

Олег Никитин

УРАНОВАЯ ВАХТА

Олег НИКИТИН
Урановая вахта

«Автор»

2016

Никитин О. В.

Урановая вахта / О. В. Никитин — «Автор», 2016

За сотни лет на Марсе скопилось множество артефактов – обломков космических аппаратов и даже целых зондов. Но что, если будущие обитатели Марса найдут не только их, но и следы древней цивилизации?

© Никитин О. В., 2016

© Автор, 2016

Олег Никитин

Урановая вахта

9-й день сезона Юйшуй, поселение Офир

Хутун Кассини только в старинных документах мэрии назывался жилым, на деле тут уже десятки лет располагалось несчетное множество самых разных офисов, фондов, оптовых магазинов и тому подобных контор.

Естественно, он имел строго квадратный периметр, поскольку строился по канону, сотни лет назад. Тогда еще сильны были представления первопоселенцев – дескать, жить в круглом городе человеку не годится. Лишенный геометрической опоры, мечется гражданин по жизни словно облако, вращается в бестолковой суете, дрожит от холода и голодает.

Клим жил в Гюйгенсе. Вместе с Толстым, Оливером и Лоуэллом это был один из самых древних хутунов Офира. Поэтому тут нередки были неполадки в системах газоразделения и рециркуляции отходов. Только утечки воды было не добиться – ее приходилось добывать чуть ли не по капле, выцеживая из грунтового льда. Увы, наводнений на Марсе не случилось уже три миллиарда лет.

Но хоть Клим и владел ветхим жильем в Гюйгенсе, жил он не на пособие. Он работал в холдинге «Недра» геологом.

Контора «Азефа» (составной части «Недр») занимала нишу между станцией монорельса, мастерской по ремонту роботов «Винт» и трескучим компрессором. Из-за его присутствия на входе в офис вечно пованивало характерным для Марса запахом – пыльным и острым, лишенным здоровой доли водяного пара. Сразу за «Винтом» располагался косметический салон под названием «Зал наслаждения старостью».

К шуму монорельса и компрессора добавлялось непрерывное хлопанье разболтанного шлюзового клапана между Кассини и Фламарионом. Над шлюзом красовалась выцветшая надпись «Ворота небесного спокойствия», оставленная каким-то оголтелым даосистом.

Благодаря очередной порции правительственных субсидий на разработку Фобоса в холле компании в прошлом месяце удалось-таки поставить пару кадок с живыми растениями. Сертификаты на них заметно облагородили витрину фирмы. Клим шагнул под зрачок термографической камеры, свисающей со стены рядом со входом в офис. Такие же камеры глядели в Кассини отовсюду, фиксируя передвижения граждан.

– Что бы мы без тебя делали, Клим, – радостно улыбнулась менеджер по кадрам.

Ее комнатка находилась прямо за кадкой с настоящей пальмой. Пухлая Чжан Ци Ю, зрелая дама с целиком разрисованным телом (однажды под занавес вечеринки она показывала свои эротические голограммы, снятые лет сорок назад) и десятком колец в носу, ушах и губах, смотрелась тут как пропыленный экспонат в чулане музея астронавтики. Разве что новая, недавно из рекламного проспекта культура желто цвела на ее макушке. Младших сотрудников компании Ци Ю неизменно считала своим ровесниками, а к начальству из холдинга обращалась как к членам кабинета министров.

– Даже не знаю, как оправдаться бы перед руководством холдинга.

Ци Ю, глядя на терминал, бодро заскользила по половинкам клавиатуры пальцами, перемещая только кисти рук. Пару лет назад врач посоветовал ей побережь запястья и не пережимать нервы, чтобы не занять туннельный синдром. Вот она и развернула проекцию виртуальной клавиатуры.

– На моем месте ты полетела бы на Фобос только за одну кормежку.

– У меня своя семья, зачем мне твоя? Так, сосуды в норме, принадлежат Климу Хану, тридцать восемь лет, штатный геолог компании «Азеф»...

Она закусила нагубное кольцо и смачно припечатала приложение к контракту. Согласно нему Клим направлялся на месячную космическую вахту, чтобы поучаствовать в разработке урана на Фобосе. – Фиксируем дату приложения: 28 февраля 2946 года... Все, свободен.

Ци Ю уткнулась в терминал, изображая занятость.

У Клима было еще несколько часов, прежде чем придется ехать домой и готовиться к завтрашнему началу орбитальной смены. Навещать прочих сотрудников, засевших по своим кабинетам вдоль мрачного коридора «Азефа», совсем не хотелось, к тому же за это могли оштрафовать...

За дверью офиса он чуть не затоптал автоматического сборщика пожертвований. Тот подкарауливал неосторожных пешеходов или водителей каров, чтобы сдернуть с их дебеток юань-другой.

Пробормотав нелицеприятные слова в адрес ЕЦСС, Клим двинулся к шлюзу на верхний уровень, откуда быстрее всего можно было достичь хутона Фламарион. В этот час народа по туннелям двигалось не так много, большая часть служащих торчала по конторам. Обогнув старика на колесах вместо ног, геолог вскарабкался по шаткому трапу, толкнул люк и выбрался на следующий ярус. Здесь он был оглушен крикливой и, как всегда, навязчивой толпой приверженцев Единой Церкви Солнечной Системы.

– Присоединим Титан к Единому! – вразнобой вопили они.

Разношерстная толпа адептов чуть не смяла Клима, но он успел откатиться вбок, после чего был дружно поставлен на ноги и увлечен по тоннелю. Зажатый платформой с главным адептом и принаряженными женщинами в желтых хламидах, Клим попытался увильнуть в какой-то магазинчик, но его оттерли от двери.

– Вы согласны послужить делу единения СС? – с ласковой хрипотцой осведомилась помятая девица. Ее лысый череп покрывала татуировка – голубые и красные звездочки.

– Ваш робот уже подоил меня, – грубо отозвался геолог.

– Он сказал вам «спасибо»? Излейте же свет истинной веры через пустой космос, – воззвала к нему другая гражданка.

– Сами лейте!

– Присоединяйтесь к нашей святой миссии на Титан! – заорал проповедник с платформы, да так зычно, что заглушил рекламу оптового склада газовых вентилялей. Проповеднику то и дело приходилось нагибаться, чтобы не удариться о замшелые трубы. – Пронесите знамя христианства сквозь тернии, водрузите его на диком куске камня, и да воссияет вера повсюду в мире. Марсиане! Мы – первые дети Бога в СС, а вовсе не жалкие обитатели изгаженной Земли! И нам же надо искупить вину человека, нам пронести жупел признания и компенсации вины человеческой! Помните первых марсиан, нагло забивших на заповеди Его? И как смачно покарал он их, осыпав знойными метеорами? Неужто хотите повторения той вселенской драмы? Так записывайтесь в нашу благотворительную миссию на Титан, чтобы свет веры воссиял и над этим куском безжизненной материи! – Шумливый адепт закашлялся и перевел дух, приложившись к соске канюли.

Хоть кричал проповедник и с надрывом, но без определенного задора. И Клим уже догадался, почему: шествие, совершив круг по хутуну, возвращалось к арендованному ЕЦСС участку хутона Фламарион. Здесь у нее находился один из храмов, впаянный в закуток между подстанцией и магазином искусственных цветов. Клим собрался с силами, оттолкнул татуированную девицу и вывинтился из толпы, чтобы его не засосало в храм (оттуда выбраться без драки было бы немислимо). Он заметил, как повсюду среди адептов вспыхивают подвижностью такие же пострадавшие. Поднялся нестройный гвалт и звуки коротких потасовок. Платформа покачнулась, зацепила трубу вентиляции и врезалась боком в подпорку для яркого цветочного навеса, исполненную в форме стебля лотоса.

– Купите букет подружке, – воззвал к Климу зеленый рекламный робот, но тут навес упал на него, и последние звуки просьбы смазались в невнятное мычание.

Однако у Клим были другие планы. Отряхнувшись и приняв беспечный вид, он переждал в нише, когда основной поток христиан схлынет, и смог перебраться в соседний тоннель через пневматическую трубу. Он очутился на широком проспекте № 5, обжитом скучными учреждениями и мелкими государственными комитетами. Рабочий день вот-вот грозил окончиться. Геолог поспешно прыгнул в пустой одноместный кар и вдавил педаль газа – сзади на него наступал один из роботов-сборщиков «дорожного» налога, но на этот раз стальной болван поймал только облачко горячего озона.

Клим не уставал удивляться, откуда у ЕЦСС столько религиозного пыла. Казалось бы, на Марсе давно и прочно, вместе с первыми поселенцами утвердился даосизм. Так нет же, надо устраивать шумные акции с идиотской пропагандой. Много ли найдется сумасшедших, чтобы бросить спокойный Марс и лететь на край Системы?

Ему не повезло – за поворотом тоннеля все еще истово отмечали Праздник фонарей, завершивший наступление Нового года. Зажженные по всему Офиру плазменные фонарики (якобы призванные проводить души предков в космос), во многих местах были уже разбиты или вывернуты из пазов. Вандализмом отличались, как правило, ортодоксы-христиане.

Кар, конечно, пришлось оставить. Все равно скинут. Продираясь сквозь ликующую толпу, Клим купил клейковины, заел ее брикетом со штаммом «вибрио» (все затхлое и холодное), увильнул от задорного инвалида на турбоколяске и вскоре очутился рядом с нужным ему заведением. Это был Музей истории Марса, и Клим посещал его уже три раза. Первый раз еще в школе, и два – за последний месяц. Но пока, увы, безуспешно. Он приходил, чтобы полистать каталоги орбитеров и лэндеров (то есть космических аппаратов, изучавших Марс в прошлые века), а вовсе не из праздного любопытства. Что может заинтересовать в груде древнего металлопластика, кроме его аукционной стоимости? А поскольку украсть хотя бы микроболт из Музея невозможно, то и делать тут обычному человеку нечего.

В Музее было пусто и гулко, и вдоль выставленных космических аппаратов древности, в самом конце зала, прохаживался только один седой человек с тростью. Из-под низкого потолка негромко, почти не раздражая слух, звучала строгая песня старинной земной группы «Блёр». Эта запись (вместе с безумной цветовой таблицей Херста) прилетела на Марс в 21 веке, на «Бигле-2».

Экспозиция начиналась, конечно, с портретов ученых, увлекавшихся необитаемым в ту пору Марсом. Первым, само собой, посетителя встречал Кун-цзы, умудренный как сам Будда. Следом шел черно-красно-оранжевый Христиан Гюйгенс. Чиня кран или затыкая брешь в газоразделителе, Клим теперь всегда вспоминал полную физиономию этого замечательного ученого. За стариной Христианом висел Кассини, который зорко разглядел у Марса полярные шапки. Потом уже шли фигуры помельче, но тоже довольно известные – Кеплер (со своим неловким рисунком марсианской поверхности), Гершель (этого вдохновил Кассини с его ледяными шапками)...

– Нуждаетесь в насыщ-щенной экскурсии по музейным сокровищ-щам? – зловеще прошипел над ухом робот-гид.

– Мне бы каталоги полистать.

Гид распахнул перед Климом пустую кабинку с терминалом и со скрипом укатился прочь. Геолог заметил, что второй посетитель музея отвлекся от прогулки между экспонатами и глядит на него. Но ему не был знаком этот сухопарый человек в глухом черном комбинезоне, поэтому Клим моментально забыл о нем и занялся базой данных по аппаратам.

Во время предыдущей смены на Фобосе он случайно обнаружил в расселине обломков какого-то космического аппарата, непохожий на обычные музейные обломки. Это была необыкновенно жесткая трубка (размером с палец) из мономеров, обломанная с двух сторон.

Видимо, в смысле хрупкости она подкачала. На ней имелся блестящий значок, очень похожий на «0», только слегка вытянутый. Ни поцарапать, ни согнуть трубку с помощью слесарных инструментов Климу не удалось. Это лишь укрепило его в желании разобраться с находкой. Поэтому он и старался найти разбившийся на Фобосе аппарат, которому могла бы принадлежать эта загадочная деталь.

Лучшего места для поисков, чем Музей истории Марса, невозможно было придумать. Тут были собраны почти все аппараты, когда-либо подлетавшие к Марсу по воле настырных землян. Конечно, оригиналы давно перевезли в столицу, а в Офире оставили точные копии. Хотя первоначально экспозиция собиралась именно здесь.

Мертвая техника болталась на карантинной орбите (согласно мудрому правилу защиты объектов СС от загрязнения микробами) или валялась на поверхности планеты, игнорируя всякие правила. Сотни лет после начала освоения Марса его жители беззаветно стаскивали эту древнюю рухлядь в Музей, не позволяя ушлым антикварам с Земли расхищать свое национальное достояние. И вот теперь Клим без особой надежды листал необозримые каталоги. Его подстегивала мысль, что найденная им деталь может иметь невиданную историческую ценность и стоить кучу юаней. Лишь бы суметь распорядиться ею с умом! И тогда прощай гнусный хутун Гюйгенс, чьи трубы уже века трещат от ржавчины, а из вентиляции несет лежалым грунтовым льдом.

– Я могу вам помочь? – прозвучал за спиной Клим неожиданно густой и сочный голос. Неужели робот-гид успел заменить звуковую схему? Но нет, это оказался второй посетитель Музея. Словно вышка подачи топлива, он стоял за пластиковой переборкой кабины. – Меня зовут Ляо Ян-шен, уважаемый господин. Интересуетесь древностями? Простите, что извожу вас речами, однако вы кажетесь мне новичком в этих стенах.

– Пожалуй, – уклончиво ответил Клим.

– Вы правильно отказались от услуг этого механического всезнайки, – остро глянув на геолога, сказал старик. – Но почему вы начали ознакомление с предметом не с осмотра древних аппаратов, а путем изучения документации? Или вы уже рассматривали экспонаты до ряби в глазах?

– Вы глубоко правы. Я их рассматривал, но в глазах у меня не рябило. Полагаете, это мое упущение?

Клим встал, закрывая терминал с очередной невразумительной схемой, и вышел из кабинки. У него заныли мышцы спины, и захотелось немного их размять. К тому же объяснить седому любителю старины причину интереса к каталогам было не слишком-то умно.

– А моя страсть – древние карты Марса, – поделился тот. – У меня в коллекции есть подлинные копии 23-го века карт Бира и Мадлера! А как же знаменитый Секки и неподражаемый Джованни Батиста Скиапарелли, первооткрыватель проток, спросите вы. О, копии их карт, сделанные с других копий в 24 веке – гордость моей коллекции. А Персиваль Лоуэлл, запечатлевший открытие Скиапарелли? А его хулитель, едкий Юджин Климиади? Поверьте, настоящее понимание марсианской истории приходит только в минуты созерцания старинных карт его поверхности.

– Неужели? – усомнился Клим. Он представил, как ищет на карте осколок загадочной трубы.

– Напрасно вы так ироничны, мой юный друг! По картам можно проследить, как менялся Марс в представлении человека – от зеленых человечков (строителей каналов и пирамид) до безводной пустыни. Но подлинного расцвета Марс достиг только в знаменитом Атласе Каттерфельда. Тут вы найдете бездну поэзии: кратер Птолемея, земля Сирен!.. Вся топонимика на чистейшем китайском.

Седой ценитель мягко подхватил Клим под локоть и повлек его вдоль закованных в пластиковые гробы космических и спускаемых аппаратов. Видно, он так обрадовался неожиданному слушателю, что торопился поведать ему как можно больше, пока тот не сбежал.

– Впрочем, в ваши годы я также больше интересовался техникой, а не пыльными атласами, царапанными компактными и размагниченными винчестерами. Всякому возрасту – свои увлечения, тут я с вами согласен. – Старик примиряюще поднял руки, трость в правой сделала изящный полукруг и уткнулась в ближайший экспонат. – Об этом я тоже знаю достаточно, никак не меньше бездушного гида. Извольте, вот перед вами «Марс-1», запущенный к нам в 1962 году. Какие порой глупые и непростительные ошибки приводили к тому, что пропало ценнейшее по тем временам оборудование! Только представьте, что инженер не стер остатки канифоли с олова (вам, очевидно, и слова-то такие неизвестны). В итоге клапан не смог закрыться, азот из баллонов системы ориентации неудержимо вытек, антенна стала бесполезной... Этот прекрасный аппарат, который мог бы стать звездой коллекции, пролетел в сотнях тысяч километров от Марса!

– И как же его поймали? – поразился Клим.

– Увы, этот экспонат – всего лишь макет, сляпанный по древним чертежам в 27 веке... А вот еще образчик, полюбуйте: «Маринер-4» 1964 года выпуска. Тоже подделка, представьте! Его судьба была заранее predetermined! Он также миновал Марс, но передал на Землю какие-то нечеткие фотоснимки. Сейчас они приведены в первой главе учебника истории. Типа «Марс в представлении первобытных землян».

– Что-то припоминаю. Так себе картинки...

Старик потащил Клим дальше, орудуя тростью как указкой. Геолог в смущении оглядел зал, но других посетителей не было. Лишь робот-гид, как показалось Климу, с профессиональной ревностью прислушивался к речам седоволосого знатока. Вообще, многоумный Ляо уже начал раздражать Клим своими обширными познаниями. Но тащиться домой все равно было рано, и он промолчал.

Мимо зонда «Новые горизонты», доставленного из пояса Койпера в 25-м веке, они прошли без остановки. Хоть аппарат и не относился к собственно марсианской истории, дарить его Земле никто и не подумал.

– А вот еще образец примитивного гения древних, – благоговейно указал Ляо на третий агрегат под пластиковой крышкой. – «Зонд-2», чудо инженерного таланта! Видите ли, солнечная панель прижималась к корпусу с помощью чеки-пружинки. Вот этот блок «Л», отделяясь, должен был дернуть за веревочку и удалить чеку, панель бы развернулась и подала солнечную энергию на приборы... Как бы не так!

– Что же помешало? – заинтересовался Клим. Простота конструкции, как будто гордо плевавшая на экстремальные условия космоса, восхитила его.

– Обрыв фала, естественно. Справедливости ради отмечу, что панель таки открыли, но увы! Сроки коррекции траектории давно вышли, к тому же в ходе полета произошла еще масса отказов оборудования. И вот – извольте видеть очередную копию вместо оригинала. Но не последнюю, – поднял палец знаток древностей. – Наступил 1969 год, и настырные земляне запустили «Маринер-6» и «Маринер-7». Вы удивитесь, но оба аппарата выполнили задачу! Однако по странной логике предков, они не остались на санитарной орбите, а улетели в глубины космоса.

– Я помню, читал, – поддержал Ян-шена геолог. – Снимки этих станций мне понравились больше, чем «Маринера» четвертого.

– Что снимки? Такие ценные экспонаты были потеряны для коллекционеров и Музеев! Чем оправдать расточительность древних? Я просто не могу подобрать правильных слов для их характеристики! И череда подобных «успехов» тянется на многие метры этой экспозиции... – печально вздохнул седой ценитель.

– Но без них не было бы истории Марса, – возразил Клим. Он все-таки сомневался в справедливости утверждений старика. – Как мы можем судить этих плохо оснащенных и мало знавших людей? Они наверняка рассчитывали последствия своих поступков. Может быть, тогда еще не умели сохранять аппараты для потомков?

– Кто теперь знает? Но вы можете оказаться правы, мой юный друг. Простите мою горячность, я как коллекционер могу только скорбеть и негодовать по поводу нелепой утраты бесценных приборов древности. Как бы то ни было, взрывы вот этих великолепных аппаратов ничем не оправдать.

Он указал тростью на кубы с заключенными в них макетами автоматических монстров древности. Это были «Марс орбитер», погибший в 1992 году (согласно траурной надписи, он взорвался во время повышения давления в топливных баках), и его брат «Марс Клаймит Орбитер», геройски сгоревший в атмосфере Марса в 1998-м.

– Увы, теперь нам уже никогда не поглядеть на истинные зонды, можно любоваться только этими подделками! – заключил погрузневший коллекционер. – Если улетевшие в глубины космоса аппараты могли чудом избежать гибели (и сейчас мчатся в пустоте за пределами СС), то эти погибли невосвратно. Но! Если бы кто-нибудь смог поймать беженца и доказать его древнее происхождение!.. О, этот человек заимел бы сотни миллионов юаней. Земные коллекционеры готовы выложить за частицу марсианской истории (которую они почему-то считают своей) невозможные суммы. Даже за небольшой обломок, а уж за целый аппарат!

– Но ведь вывоз древностей запрещен? – понизив голос и оглянувшись на унылого гида, спросил Клим.

Новый знакомый остро уставился на геолога, трость в его руке прекратила циклические движения. Затем он с рассеянным видом, но явно присматриваясь к термографическим камерам на потолке, заметил:

– Безусловно, материальные ценности расхищению не подлежат... Мне кажется, мой юный друг, вам требуется помощь в ознакомлении с историей Марса, не так ли?

– Скорее, конструкцией древних зондов.

– Прекрасное увлечение! Приходите-ка в мой антикварный магазин. Он находится неподалеку, на 4-й улице в этом же хутуне. Видите ли, я уже двадцать лет составляю собственный «Каталог космических и спускаемых аппаратов». Поверьте мне, такого подробного и даже уникального труда вам больше нигде не сыскать. Вот проспект моего магазина. – Старик протянул геологу мини-диск, обернутый цветным пластиком.

– Пожалуй...

– Позвольте задать вам один вопрос, молодой человек. Вы конфуцианец?

– Ну, мне не чужды некоторые идеи Кун-цзы... Но я скорее даосист.

– Прекрасно, прекрасно...

Ляо приподнял трость, касаясь набалдашником виска, слегка склонил благородно седую голову и удалился. Клим же вернулся в кабинку. Проглядывать схемы ему больше не хотелось, и он просто скопировал на свой палм номер каталога с информацией. Пусть будет. Хотя тратить юани на возню с данными, пользуясь домашним терминалом, он пока не собирался.

Заодно он соскреб с пола кучку пластиковых крошек, оставленных ботинками предыдущего любителя древностей.

Спасаясь от потрепанного жизнью робота ЕЦСС, Клим был вынужден направиться не в ту сторону, в какую собирался. Ему пришлось миновать несколько лишних витрин и выслушать десяток слоганов, прежде чем он выбрался на эстакаду одноколейки, стиснутой двумя глухими стенами. На перроне развернул батарею переносных ферментеров очередной автоматический торговец дешевой пищи. Клим понял, что без подкрепления сил не сможет двинуться с места. В первом ферментере у робота росли на углеродной подстилке дрожжи, во втором биомасса отделялась от бесполезных примесей, а в третьем на аппетитную еду лилась

культуральная жидкость... Геолог сглотнул и придвинулся к последним ячейкам, где дрожжи упаривались и сохли. В горячке он едва не толкнул предыдущего покупателя.

– Сколько, уважаемый? – вежливо осведомился торговец, обычный полумразумный автомат, похожий на бочку из-под сула.

– Сто граммов. – Клим сунул в прорезь робота дебет-порт палма и получил плитку пресованных дрожжей, политую сладким известковым молоком.

Второпях он даже забыл, что сезон Личунь уже закончился, и страдать от сладкой или острой пищи необязательно, можно смело перейти на кислую. А еще можно не насиловать себя уверениями в собственном отменном самочувствии и расположении духа. И не потреблять в огромных количествах зивокс – пришла пора немного ослабить иммунитет и даже мутировать. Трудный это сезон, Личунь...

С ветром и гулом примчался набитый пассажирами (рабочий день только что закончился) поезд на магнитной подушке, и геолог окунулся в резкий запах «кокосового масла». Клима прижали носом чуть ли к самому рекламному щиту. Но деваться было некуда, любой мечтал оказаться от яркого экрана подальше.

– Что может быть увлекательнее отдыха под пальмами, на благословенно теплой и ласковой Земле? – спросил девичий голос. На щите вспыхнули белизной песчаные пляжи, омываемые синенькой водицей.

Тут же порыв ветра унес навязчивый масляный дух, и перед носом Клима разверзлась долина Хелласа – колоссальная яма глубиной в шесть и диаметром две тысячи километров. Клим вцепился в поручень, настолько реально его повлекло на дно этой мрачной дыры. Будто он самолично падал в нее с борта летающего ровера.

– Посетите наши знаменитые экстремальные экскурсии! – мужественным басом воззвали динамики. – Долина Хелласа, плоскогорье Тарсис с его величественными вулканами! Кратеры откроются вам, как цветки земного лотоса, и вы ощутите небывалый подъем чувств. Страх и робость покинут вас, познавшего дикую красу природы!

«Уф», – облегченно выдохнул геолог, когда вместо Тарсис возникли безобидные «пирамиды».

– Веками человек мечтал раскрыть тайну Элизиума, этой загадочной группы древних пирамид, – нежно сказала невидимая девушка. – Прекрасный замок 500-метровой высоты сияет среди них, как господин среди больших и неуклюжих вассалов. Раскрой же извечную тайну древних марсиан! Какие они, эти неведомые титаны, воздвигшие пирамиды и замок? Познай их сам, не слушай домыслы неверующих! Данная экскурсия первой получила сертификат ЕЦСС, – со скромной гордостью добавил голосок.

«Ваша остановка», – пискнул наушником палм.

Клим с облегчением выпал из вагона на станции монорельса в хутуне Гюйгенс. Только сейчас, избавившись от какофонии звуков, запахов и картинок, Клим внезапно восстановил в памяти мимолетную сценку на одной из промежуточных станций. Ему показалось, что женщина, мелькнувшая на перроне в компании с незнакомцем – Кристина. «Обознался», – внушил себе Клим и двинул дорогой, знакомой до последнего ржавого вентиля. Тут уже можно было не опасаться пронырливых роботов ЕЦСС. Всех давно разобрали на запчасти или раскурочили, а новых церковь не поставляла, резонно опасаясь местных буддистов.

– Правильное питание! – оглушила его реклама пристанционного кафе Ресторан «У дядюшки Линя», самого дорогого в Гюйгенсе.

Клима однажды занесло туда: он поглядел на названия блюд и поежился. «Алтарь шелковичных червей», «Росняной сбор», «Битва дракона с обезьяной», «Красавица в белом море»... Затем все-таки пожевал обычного шлама пивных дрожжей и ушел, чтобы никогда тут не появляться.

– Наступление сезона Юйшуй требует от вас укрепления функций селезенки и желудка! Обращайтесь за новыми моделями этих органов к нашему менеджеру! Усилите иммунитет организма, предотвратите одряхление. Мы предлагаем вам лучшие и надежные микроорганизмы, приготовленные по старинным рецептам книги «Цяньцзинь Юэлин». Такстериана на соевой муке и воде, все виды кормовых дрожжей с микродобавками...

Робо-стюард рядом со входом в кафе торговал «на вынос» горячими дрожжами, на глазах покупателя заваривая муку и квася ее молочнокислыми бактериями. Стандартная питательная смесь шипела на противне, закрепленном у него на корпусе, рядом с входным портом для юаней. Ферментный препарат впрыскивался в варево самим клиентом, путем легкого удара по носу стюарда.

На обрезке трубы, приспособленном под его костлявое седалище, пристроился бывший заключенный титановых рудников в горах Копратес – жуткий одноногий Ванадий. Не пользуясь правом бесплатно нарастить новую кремниевую ногу (якобы у него аллергия на искусственные конечности), давным-давно он урвал редкую нищенскую лицензию. Теперь Ванадий ежедневно собирал с каждого проходящего мимо жителя Гюйгенса по юаню. На текущих мимо поселян он не глядел, выводя на электроксилофоне заунывную мелодию. Низкий потолок над ним был засижен неисправными робомухами – мелкими роботами-шпионами. Летали они преимущественно в бедных хутонах, где ощущалась острая нехватка термографических камер. Точнее, их полное отсутствие. Местные подростки попросту не давали камерам подолгу висеть на месте и разбирали на запчасти для домашних питомцев, на продажу в мастерские или на разные модные феньки.

Ввиду своих застарелых криминальных наклонностей, Ванадий робомух не терпел и частенько прихлопывал их своим ксилофоном. Вот они тут и скопились в большом количестве. Летать-то они больше не умели, ползали как заведенные. Кстати, и в рудники Ванадий, говорят, угодил за аналогичный поступок – обозлился на правительственного сборщика налогов и публично выкорчевал тому электронные мозги. Это уже там какой-то экспериментальный робот, словно в отместку, оттяпал Ванадию ногу по самое колено.

– Эй, Клим! – окликали геолога знакомые и соседи. – Ты разве еще не на Фобосе? Не свались нам на головы!

Это была чуть ли не любимая шутка его знакомых гюйгенсян. А знал он тут почти всех, ведь он уже пятнадцать лет жил в Гюйгенсе. Но Клим не обижался, он был уверен – соседи отчасти завидовали ему, потому что он работал по специальности и к тому же в государственном холдинге «Недра». А для всех это было синонимом стабильности. Большинству же приходилось обслуживать складских роботов, чинить бесконечные поломки в системах жизнеобеспечения, вытравлять неистребимых амёб из кондиционеров, опрашивать и пересчитывать горожан... Это не считая раздачи рекламных «призов» от разных компаний.

Как и во всяком хутуне, стены в Гюйгенсе были когда-то раскрашены картинками с изображениями драконов, тигров, обезьян, черепах и прочих невиданных зверей. Теперь они, конечно, уже выцвели. Десяток лет назад на перекрестках попадались даже небольшие скульптурные фигурки. Но вездесущие вандалы обломали все украшения и растащили по домам.

Через два квартала длиной в сорок метров каждый Клим достиг двери своей квартиры на 11-й улице. Тщательно собрав небольшую стайку робомух с электронной липучки, он закинул микромеханизмы в утилизатор и зашел домой. Повсюду горели дешевые диодные лампы.

– Куй Винь! – крикнул он от двери приемному сыну, почуяв запах горелой биомассы. – Ты чем тут занимаешься? Тараканов кормил?

Никто не отозвался, только из комнаты сына донеслась негромкая возня и шипение. Кто-то басовито забубнил, при этом повизгивая, и Клим поостерегся соваться в обиталище сына. Мало ли кого он там мастерит, вдруг какой-нибудь психованный робот бросится на Клима, не признав в нем своего? Геолог пошарил по карманам и выгреб мелкий пластиковый мусор,

который он набрал под столом в кабинке Музея, затем разбросал это крошево на кухне. Из щелей выпорхнула колония рыжих роботараканов. Насекомые жадно накинулись на угощение и моментально поглотили его. Клим успел примерно подсчитать количество тараканов и с огорчением убедился, что оно заметно снизилось. «По другим квартирам разбежались, паразиты, – подумал он. – Конечно, кому понравится с воды на микробов перебиваться. Надо бы рассыпать по углам полимерной крошки. За месяц ведь все уползут».

Недели две назад Клим видел в вагоне рекламу нового поколения робонасекомых, на редкость лабильных созданий. Ткани у них, как утверждалось, были куда более упругими (то есть не хрустели и не ломались под давлением подошвы). И кроме того, умели быстро менять свою структуру и химический состав. То есть эти новые автоматы могли питаться чем угодно, а не только микробами, остатками пищи, пылью и дробленным пластиком. Но и стоили они десять юаней за штуку! «Нет уж, спасибо, – решил Клим. – Все равно разбегутся, гады. И где только щели находят».

Квартира у его семьи была недорогой – в теперешнее время, хотя покупал он ее за миллион с лишним юаней, в кредит. С кредитом, хвала Будде, разделаться уже удалось, однако жилье в Гюйгенсе слишком быстро обесценилось. Правительство махнуло на многие старые хутуны рукой, предпочтя строить новые. Наверное, хотело сохранить в Офире рынок дешевого жилья.

Клим извлек из ноздрей бактериальные фильтры с любимой грибковой культурой – штаммы бактерий пожирали вонючие и опасные вещества из воздуха. Этот грибок, конечно, был не самым лучшим (самые дорогие штаммы питались не только чистыми соединениями, но и собратями-вирусами), однако геологу он нравился за простоту в обслуживании. Затем он выдавил на язык тубик клетчатки и хотел было уйти к себе, чтобы собрать саквояж в дорогу, но тут из комнаты Куй Виня вывалились он сам и его лучший друг Сяо. Их физиономии кривились, а глаза метали искры, почти такие же, как свежие волноводы на их запястьях.

– Папаша, дай тыщу, – сказал Куй Винь. Для своих двенадцати лет он был вполне модный и современный в разговоре парень. – Йопт.

– Иди в кратер. Куда деньги деваешь? Пирсингом занимались? Аккумуляторы кто опять посадил?

– А ты электростанцию-то поставь на место, чего разобрал?

Сяо поцокал светящимся языком и хрюкнул:

– А то не красиво, дядя? – и станцевал перед Климом с задранной юбкой и вздернутой ввысь рукой. От него несло жженой плотью (точно, световоды в кожу вплавляли) и каким-то едким и дешевым психоделиком из распылителя. Клим их плохо различал. Само собой, как можно в нормальном состоянии уродовать собственное тело?

– Точно! – загорелся Куй Винь. – Мы с Сяо и прочими парнями из класса хотим на Олимп смотаться, в кратер прыгнуть. В обсерваторию пустят, на Землю поглядеть. Вот зачем хрусты, понял? А ты думал – на дурь, что ли? Экскурсия у нас, ну! Помнишь еще Олимп, папаша? Самая большая гора в СС, 27 камэ над нулевым уровнем. В дырку прыгать будем, пять камэ глубиной, йопт.

– Шесть не хочешь? «Пять»! – поджал губы Сяо. – Бери глубже, байчи. На Земле, слышал, под водой тоже Олимп есть, мелкий как прыщ. То и затонул.

– Гляди сюда, парень, – сказал Клим и ткнул пальцем в большое живописное полотно. Оно изображало в мрачных вечерних тонах кратер Гиппарх в земле Сирен. – Вот кратер почти такой же, как и олимповский, и в нем скovyрнула твоя бабушка Сунь. Тоже из ровера с парашютом прыгала, чуньжэнь. Тебе тогда только восемь лет исполнилось, ты плохо помнишь. Потрогай текстуру картины, это настоящий прах бабуси – еле куски туловища собрали, чтобы достойно спалить в крематории, как человека.

– Да ну не надо! – скукожился, будто проглотив песчаного червя, Куй Винь.

– Нет, ты глянь на сертификат! – продолжал гнуть Клим. – Натуральный пепел.

– А, нищий изгой! – махнул рукой сын, схватил друга за талию и поволок того прочь. Сяо обернулся и показал геологу сверкнувший всполохом язык. – Лети на свой камень, йопт!

– Я для того и лечу, чтобы платить за твои выходы! – заорал Клим им вслед. – И за учебу, чтобы ты смог найти хорошую работу! Йопт!

Оба парня завыли в ответ что-то невнятное, однако явно обидное, но все же не стали окончательно распалить геолога и споро улизнули в тоннель. «Сейчас попрутся в какую-нибудь дешевую торчаловку и будут жрать всякую дрянь», – в досаде, остывая, подумал Клим. После перебранки с Куй Винем проснулся голод, и он съел парочку юанься (оставшихся после праздника фонарей) – шариков из клейковины с начинкой из стрептококков.

Но тут в квартире опять возник шум.

– Мама! – крикнула Венера и сунула приплюснутый носик в гостиную. – Климуска, ты дома, микробчик?

Девушка впорхнула в гостиную, вынула из прозрачной сумочки мини-диск и затолкала его к себе в трусики. Ей в прошлом месяце исполнилось шестнадцать, и досталась она Климу от первого брака Кристины. Вообще-то Венера была симпатичной девчонкой, только очень глупой.

– Опять уши нарастила, – недовольно сказал геолог. – Ты погляди на свой череп, каким он стал неровным. А если шлем надевать придется? Сдерешь ведь! Хоть бы волосы вживила, что ли, вон молодежь с какими дредами ходит – из волноводов. А ты все лысая.

– Па-апочка, – протянула она и выгнулась словно антенна ровера на ветру, повисая на шее Клима. Губы у нее капризно сложились в бутон, наружу показался тонкий и быстрый язычок, а подернутые ресницами глаза игриво блеснули микродиодами. – Ну что ты про ушки опять... Мода у нас такая, модная я... А что лысая – так иначе кто же мои татуировки увидит, ага?

Она обвилась вокруг напрягшегося отчима, подпрыгнула и взгромоздилась ногами на протертое кресло. В нем Клим частенько посиживал вечерами, плясь через виртуальные очки в сетевые программы или тайком глядя пиратские ролики Кайзера, донельзя разбитные. Перед глазами геолога очутился ее пупок с шариком антенны, и в следующую секунду Венера принялась всеми четырьмя пальцами оттягивать резинку одноразовых трусиков.

– А вот погляди, Климуска, что у меня для тебя есть, – хихикнула она.

– Ну ладно, хватит баловаться, – осадил ее Клим, но в тело будто накачали аминазин. – Говори, чего надо, а то мне собираться пора.

– Путеше-ественник ты наш, – протянула Венера и гибким движением запястья, будто фокусник, извлекла из-под ткани мини-диск. – Помоги дочурке с домашним заданием, ага?... А мы тебе что-нибудь прия-ятное сделаем. – Она выгнулась и потерлась пупком-антенной о нос геолога. – О-очень приятное, Климуска.

– Больше некому, что ли, тебе уроки делать? – Клим стащил Венеру с кресла, оторвал от себя и поставил прямо, держа за плечи, чтобы не позволить ей опять растечься по своему животу, будто биомассе по дну перегонного чана. – И кто это «мы»?

– Мы с подру-ужкой.

Девушка вытянула к нему ушастую голову и лизнула воздух перед собой, томно прикрыв глаза.

– Ладно, давай сюда. Что там у тебя?

– Задание по истории, – поскущнула девушка. – Не помню какое, там написано. Ладно, Климуска, кинешь мне на стол, ага? – Она убежала в кухонный блок, и оттуда донесся лязг керамической посуды. Наверное, решила растопить кое-что из питательных синтетиков. – Слышь, я бы сама навалыла, да меня ребята кататься зовут, – крикнула она оттуда. – По дюнам на ровере, ага! У одного шаоняня с пограничной улицы папаша ровер арендовал, хочет каких-

то обломков наковырять, вот кретин! Говорит, знает место, где 15-й Бигль свалился. И что за Бигль такой, и почему он свалился, и кому нужны его обломки? Вот дураки бывают, ага?

– Ты едешь собирать какой-то хлам по дюнам? – насторожился геолог. – Все равно ничего дельного не найдете. Знаешь, сколько было таких искателей за пятьсот-то лет?

– Еще чего выдумал! Ну, Климка, ты сатирик, ага. Кататься едем, говорю же, зачем нам хлам на дюнах? Ха!

Она продолжала выкрикивать всякие девичьи нелепицы, но Клим решил не вслушиваться в них, иначе (как он знал по опыту) мозги у него могли задымиться от молодежных проблем. «Надо же, совпадение какое, – подумал он, добрался наконец до своего рабочего места и вошел в марсианскую Сеть. – История! Нынче у меня прямо-таки исторический день».

Мелкие габариты квартиры и ее архаичная планировка в последние месяцы особенно угнетали Клима. Только за терминалом, пропадая в информационных и развлекательных порталах, он готов был мириться с низким потолком, выщербленными стенами и посторонними шумами. Он их попросту не замечал.

Адрес музейного ресурса все-таки пригодился, и геолог вышел на нужную базу. Учебный запрос Венеры требовал изложить какую-нибудь нелепую ошибку, допущенную древними людьми при освоении Марса. Такие упражнения органично входили в систему патриотического воспитания молодых марсиан.

Клим в свое время тоже выполнял подобное задание, поэтому долго не мучился и скопировал из массива эпизод с орбитальными станциями «Марс» – с четвертой по седьмую. Это приключилось почти тысячу лет назад. Наверное, только сами предки могли бы объяснить, почему ракеты-носители с «Марсами» стартовали, хотя заранее было известно, что с ними будут проблемы. «Алюминиевый слой на микросхемах быстро разрушался, и бортовые ЭВМ (слово-то какое) не проработали бы и нескольких месяцев», – прочитал Клим. Ужасные ошибки преследовали эти миссии. Орбита первого аппарата не была скорректирована, и он пролетел мимо Марса, выполнив только один цикл съемки Марса... Клим вызвал на терминал скучные черно-белые картинки и воткнул их в отчет Венеры.

Он собрался было перейти ко второму неудачнику-«Марсу», как объемное изображение вокруг него сжежилось и моргнуло светлой точкой. Он снял очки и воткнулся взглядом в раздраженную Кристину.

– Опять по игрушкам шляешься? – сварливо спросила она. – На ровере гоняешь поди?

– Венера попросила меня составить отчет для ее урока.

– Когда водоочисткой займешься, игрун? Или слесаря за деньги вызывать? Так ведь через неделю только придет! Вчера же еще попросила починить, вода в резервуаре почти закончилась! Ты нас отравить решил, что ли?.. А крыс давно травил, я спрашиваю? Скоро все от лихорадки подохнем, и ты первый.

Кристина сняла платье и осталась в прозрачном белье, чтобы тут же прикрыть тело халатом из натуральной ткани. Она была на два года старше Клима, но благодаря постоянным электромассажным процедурам и хирургии выглядела вполне эротично. Напоследок Кристина стянула модный желтый парик из стекловолокна и напялила свой обычный ежик, отстегнула черные ногти и десяток медицинских датчиков с груди, живота и ног. То есть стала полностью домашней женщиной.

Ее широкое лицо, которое она тщеславно передала обоим детям, искажалось гримасой, а черные зрачки в узких глазах пульсировали от неприязни.

– Ужин почему не приготовил, а? Видишь же, я задерживаюсь на работе.

Она запахнула халат, перетянув его магнитным жгутом (также лечебным), и села к макияжному автомату, чтобы снять отработанный слой консервантов. Сейчас она собиралась ввести себе под кожу препарат гиалуроновой кислоты и сгладить зачатки морщинок. Ни дня не пропускала.

«Теперь-то помолчишь», – злорадно подумал Клим, но жена даже сквозь матовый кокон ухитрилась посылать ему в мозг импульсы раздражения.

Он стукнул безвинный терминал и отправился в кухню, где ютился технический узел квартиры. Действительно, еще вчера Клим купил в Толстом специальный клей, и пора было применить его. Геолог отодвинул стенную панель, которую снял еще позавчера, когда выяснял причину неисправности в подаче воды. Система была, как и почти всюду в Гюйгенсе, неудачной. Фильтрующие шторки в форме конусов были склеены основаниями (подрядчик явно пожалел денег на сварной шов), вот они наконец и развалились – клей рассыпался в бурый порошок.

А бактериальные культуры в грунте давно состарились и мутировали неведомо во что. Никакой ремонт уже не спасет технику от поломок. Чем дальше, тем чаще придется менять разъеденные ими детали. Какое-то время назад индивидуальная подача грунтовой воды считалась модной. Но потом все быстро поняли, что локальные источники льда имеют свойство иссыхать, и все равно приходится подключаться к муниципальным трубам. А в этих трубах какая только гадость не живет!

Клим щедро выдал полимер на шторки и прижал их друг к другу, затем воткнул фильтр на место. Увы, это было еще далеко не все. Печальные думы геолога прервало внезапное появление Кристины. Она принялась в раздражении звенеть задвижкой печи, хрустеть упаковками замороженных культур и скрипеть краном резервуара.

– Квартира у нас самая старая в Офире, – желчно сообщила она Климу. – Была сегодня у сотрудницы, на ее новое платье глядела, так вот в Лоуэлле совсем не такие конурки, как у нас в Гюйгенсе.

Клим не отозвался – восстановление разобранных узлов поглотило его внимание целиком. К тому же он знал, что любой ответ способен вызвать всплеск обвинений сразу по множеству пунктов. В обратном порядке в трубу последовали вакуумный деаэратор, испаритель мгновенного вскипания, электрогенератор, гидротурбина и мультипликатор. Наконец Клим поднял тумблер подзарядки аккумуляторов, заряжавшихся от этой маленькой домашней гидроэлектростанции.

– И обои встроенные, виды Марса показывают, – продолжала между тем Кристина. – И воздух с озонированием, и волокно ко всем приборам подведено. Даже кормушка для тараканов автоматическая – сама пластик заказывает, если насекомые голодают. Ты знал, что новые модели излучают особую волну в случае длительного голода?

– Что-то слышал в рекламе...

– Вот-вот! Слышал он. А в онлайн-магазин не догадался заглянуть?

– Уже иду.

Клим проверил подачу воды, заодно вымыл руки, и скрылся в комнате. Следующим в очереди неудачников был «Марс-5». Интерактивный видеоряд выбросил Клима в открытый космос, и он воочию увидел истечение газов из приборного отсека. Дело происходило уже на марсианской орбите. Станция успела передать сотню изображений планеты, а потом приборы вовсе отказались работать... Только Клим осознал нелепость исторического эпизода – что бы случилось, например, с людьми первой пилотируемой экспедиции, если бы из жилого отсека испарился воздух? – как жена настигла его и тут. Виртуальный космос опять схлопнулся в черную точку.

– Завтра уже там будешь! – вскричала Кристина. – И нечего от меня бегать, я не кусаюсь! Другие вон нормальную работу на Марсе нашли, приносят приличные деньги, а ты? Фобос того и гляди взорвется, что с нами будет, ты не подумал? И что тебе платят за эти вахты? Жалкие юани!

– Вполне хорошо платят, – возразил Клим.

– Зато потом целый месяц пособие получаешь.

– Я же обещал, что найду работу на Марсе. Просто пока ничего хорошего не подворачивается.

Вообще-то он лукавил, геолог его квалификации давно мог устроиться в самом холдинге. Просто Климу нравилось проводить половину жизни на спутнике, где у него была собственная комната с прямым выходом в планетарную Сеть. И там он мог коротать вечера в компании таких же рискованных и знающих парней, как и он сам.

– Хорошо починил воду, – вдруг призналась Кристина. – Только все это без толку – не вода, так воздух отключится, и задохнемся во сне, как твоя мамаша.

– У нее же аккумуляторы в легких подсели.

– Да какая разница? Переезжать отсюда надо, Климка.

Геолог воспользовался тем, что жена, высказав наболевшее, стала тестировать внутренние органы на магнитном томографе, и вновь погрузился в древнюю историю Марса.

6-й модели аппарата «повезло» больше всех. Научный радиокomплекс у него отказал, а вот телеметрическая система выжила и даже посадила зонд в долине Самара, на границе земель Ноя и Жемчужной. Клим перенесся в Музей и поглядел на изображение настоящего аппарата. Однако скопировать его в доклад Венеры он не успел, потому что его вновь грубо прервали. На этот раз сама дочь.

– Какой ты молоде-ец, Климу-уша, – пропела она, подключившись к терминалу на параллельном выводе. – Гаовань почесать?

– Что, поездка сорвалась?

– Его папаша явился и сдернул нас с ровера в последний момент, вот грунтовая бактерия! – возмутилась девушка. – Зря уши натирала об шлем, ага. Эта опять регенерирует?

Но хозяйка уже закончила процедуру и, растрепанная, возникла из кокона. Тело у нее багровело, будто после жесточайшей терки, и только к утру обещало восстановить первоначальную темно-желтую расцветку. Кристина в такие моменты впадала в особенное раздражение. Вот и сейчас она накинулась на мужа и дочь с обвинениями:

– Почему вся мебель потрескалась? Давно пора эти стекляшки на свалку отвезти, заказать новое кресло! Гель из дивана почти испарился, на шкафах царапины. А вам только бы по Сети шлаться! А у меня уже уши закладывает, между прочим – колонка скоро точно сдохнет, давление в доме скачет.

И она гневно удалилась в душ.

– Ух, приложила. – Венера перескочила Климу на колени и расплылась на них, как кусок белковой биомассы на подложке. – Про-одолжим наше занятие, ага?

– Надоело! – озлился геолог. – Вот тебе ссылка, гляди сама. Остался только один аппарат из этой неудачной серии, остальные я уже поместил в отчет. Видишь, вот описание: «Марс-7» подошел к цели, спускаемый аппарат отделился от пролетного блока, но напрасно, потому что двигательная установка не включилась... Понятно?

– Не-а.

– Ладно, просто запоминай, если сможешь. В общем, спускаемый аппарат пролетел мимо Марса и затерялся в космосе. И все четыре станции погибли из-за какой-то паршивого чипа! Обидно, правда?

– Еще как! – выпучила узкие глазенки Венера. Но микродюды в них и не думали светиться истинным сочувствием к древним механизмам и их создателям. Мозг у нее, как уже давно знал геолог, работал только в отношении физических удовольствий, психо-грибков и дурацких развлечений вроде гонок на роверах.

Поэтому он отделался от девушки и поспешил уйти из квартиры (набив ноздри свежими бактериальными фильтрами), пока Кристина не вылезла из кюветы и не нагроутила его какой-нибудь ремонтной чепухой. Все равно сейчас вернется из темных тоннелей Куй Винь, навер-

няка в компании с Сяо, и в доме начнется полный кавардак. Все кинутся в коллективные драки по Сети, поднимется гвалт и ругань, и так до самой ночи.

Вечерняя жизнь в Гюйгенсе не отличалась особо яркой палитрой. Наверное, потому, что все нормальные граждане перебрались в другие хутуны. «Реальные» театры и клубы также переехали подальше. Как и любой старый хутун в поселении, Гюйгенс делился на четыре уровня. На нулевом находились монструозные установки по очистке отработанной воды, станции первичного газоразделения и приготовления воздушных смесей, системы обеспечения теплового режима, хранилища пищевых и водных запасов, подстанции и прочие нужные механизмы.

Клим у еще повезло, что его квартира располагалась далеко от самых шумных агрегатов, ведь первый уровень был жилым. В центральном тоннеле тут имелась своя школа, колледж, питомник для малышей, десяток баров и две оранжереи. Одна из них была давно поражена разными микро-паразитами, и туда совались только нищие модники, чтобы подцепить грибок-другой.

Второй уровень когда-то был отведен под офисные помещения, институты и филиал мэрии с полицейским участком. Однако весь этот блеск власти остался в прошлом – сейчас тут обитали разросшиеся семьи мигрантов из других хутунов и даже поселков. Несколько шокеров и сотрудников мэрии, кляня судьбу, боролись с ним в полную силу, поэтому на уровень ниже мигрантам пока не удавалось спуститься.

Еще выше них находились ангары для техники, склады с комплектующими для систем жизнеобеспечения и собственные выходные шлюзы. Из них можно было выехать на мелкие дюны и скалы вокруг Офира, притулившись на одноименном склоне. А уже отсюда или скалиться на дно шестикилометровой дыры Копратес, или вскарабкаться на сто метров и достичь унылой долины Маринера.

Современные хутуны имели большее количество жилых уровней, занимали меньше площади и вообще грамотнее управлялись и поддерживались властью. Вообще, будь не Мелас, а Офир столицей Марса, тут и жилось бы получше, а так все усилия правительства сосредоточивались где-то в другом месте. Гюйгенс же и прочие хутуны, сооруженные на самой заре колонизации Марса, неуклонно старели и загнивали. Даже общественные кары тут давно были разобраны на части и сбыты куда придется. Вот и пришлось Климу отмахать целый километр, прежде чем он добрался до своей любимой грибницы, носившей незамысловатое название «Под грибком».

Пяток его школьных приятелей был уже тут, и они дружно принялись болеть за местную футзальную команду. Как раз шел второй тайм встречи между «Крысами Толстого» и «Бактериями Гюйгенса».

– Завтра на смену, – сообщил Клим сквозь гвалт. Он впрыснул в вену дозу старой доброй настойки «Эдэкэ» на этиловом спирте (другие подобные растворы тут не слишком жаловали) и быстро ощутил сопричастность общему настрою в баре.

– Так вот ты почему такой счастливый! – сообразили товарищи.

– Я всегда такой, – возразил геолог, – когда с друзьями.

Он получил в автомате пакет с дегидрогеназой, потом самостоятельно высушил дрожжи, произвел фракционирование и выделил конечный продукт. В этом кафе было принято готовить себе напиток, не прибегая к помощи роботов. Трудились тут такие бестолковые развалюхи, что доверять им было рискованно. Единственную культуру, которую они умели соорудить без вопиющих нарушений технологии – руссулу деколоранс, да и то на жидкой питательной среде. Нативный раствор от культуральной жидкости они отделяли с таким тупым тщанием, будто имели дело с золотистым стафилококком экстра-пробы.

– И это правильно. Только ты сильно рискуешь, Фобос со дня на день рассыплется. Ты упадешь на наши головы, друг, и даже добрая доза не спасет тебя...

– Да что вы меня хороните, шаоняни?

Все знали, что Фобос движется не по круговой орбите, а по очень пологой спирали. Еще до начала его эксплуатации он снижался со скоростью микроба – на два метра за один век. Оставайся все так и дальше, спутник упал бы на Марс только через пятнадцать миллионов лет. Впрочем, приливные силы взорвали бы его раньше, миллионов за десять до гипотетического падения...

Но в 26-м веке, когда Фобос превратился в главный источник урана для довольно архаичной энергетики Марса, орбита его стала много круче. Шесть лет назад она пересекла границу Роше (за которой его, в теории, должны порвать приливные силы). Но не такие в «Недрах» подвизаются кретины, чтобы просто так отдать источник субсидий. Напряжения в теле Фобоса удалось снять грамотным бурением скважин в самых «тонких» местах спутника. При этом все на планете, кроме геофизиков холдинга, были уверены, что этот летающий камень непременно (скорее всего на днях) лопнет и обрушится на Марс метеорным ливнем.

– На Фобосе все спокойно! – авторитетно заявил Клим в тысячный раз.

– Ну-ну, – таким был всегдашний ответ знатоков из народа.

Если бы не помощь правительства – существовала даже особая статья расходов, – арендатор спутника уже давно прекратил бы добычу сырья. Зачем рисковать жизнями персонала и оборудованием? Это же астрономические убытки в случае катастрофы! Причем не только для «Недр», но и для тех, кто случайно очутится под обломками. Вот и вышел простой «симбиоз» – вы нам деньги, а мы вам устойчивость Фобоса.

Клим не особо усердствовал, растолковывая друзьям и родственникам эти тонкости, вот его и считали едва ли не смертником, поражаясь его безоглядному «героизму».

«Надо бы сходить к отцу, – порой думал геолог. – В крайнем случае свяжемся по Сети, как обычно. Вот вернусь, и отметим нашу пятую годовщину... Юбилей».

Первое марта началось для него с предвкушения полета к спутнику, намеченного по обыкновению на полдень, когда проще всего визуально отслеживать положение Фобоса. Утром Клим легко распрощался с домочадцами, выслушав их замогильные шутки. Затем он упаковал в дорожную сумку запас личных вещей, кремов и лекарств, сложил персональную кювету с культурой стволовых клеток на случай травмы и отправился в оранжерею. Была у него такая традиция – брать с собой на смену небольшую, в пределах дозволенного веса репу.

В оранжерее, пребывавшей в давнем и прочном запустении, Климу нравилось. Несмотря на лишай на стенах, сухие коряги вдоль грязных тропинок и опасность подхватить какой-нибудь модифицированный вирус. И ее смотритель, старый ботаник Мартын благоволил к посетителю, припасая для него самый симпатичный корнеплод. Клим пролез сквозь ржавый, пораженный грибом шлюз, над которым уже столетия висела потрескавшаяся пластиковая вывеска «Парк Тяньтань», и очутился в царстве растений.

Когда-то, по словам Мартына, тут любили собираться самодеятельные музыканты и каллиграфы, игроки в го и певцы, но эти времена давно миновали – мода на парковый досуг прошла.

Большую часть оранжереи занимала гидропонная плантация. По краям высота потолка не превышала трех метров, зато к центру она достигала всех десяти, чтобы даже самые дюжие древесные могли расти свободно. Тут и пальмы имелись, неведомых Климу пород, только плоды у них получались горькими.

– Утро зеленое да мокрое, дружище, – обратился геолог к старому ботанику. Тот укрылся за пленкой из прозрачного пластика и колдовал над ростком с желтыми листьями, приживляя его к стволу папоротника. Когда-то совершенно чернокожий, Мартын после контакта с бактериями-мутантами обзавелся розовыми проплешинами на руках и лице (а может, и на всем теле). Такая расцветка помогала ему сливаться с местным ландшафтом не хуже древесного червя.

Главным предметом в захлавленной времянке ботаника был трехъярусный стеллаж, целиком уставленный пластиковыми вегетационными лотками. В них кустились в специальных горшочках, под искусственным освещением самые разные растения. Под стеллажом стояли рассадный блок и бак с питательным раствором, вечно подтекающий.

По другую сторону дорожки, в метре от пленочной завесы, стоял покосившийся лоток с разложенными на нем плодами. Они были откровенно плохи, но даже среди этих поеденных паразитами овощей и фруктов можно было отыскать не один грамм здоровой биомассы. Мартын брал за нее буквально гроши, и полиция закрывала глаза на такое «расхищение» муниципального достояния. Рестораны «диетического» питания, когда-то приверженные такой пище, сейчас предпочитали имитировать ее более модными веществами и микроорганизмами.

– Сейчас, Клим! – откликнулся ботаник. – Прогуляйся пока. Черных дрожжей вот только подсыплю для роста.

Будучи хоть и заброшенной властями, гидропонная плантация тем не менее выполняла в Гюйгенсе важную функцию. Мало кто догадывался, что она активно помогает в естественной очистке воздуха от смертоносных антропогенных токсинов. Мартын заботливо следил за сохранностью разных фильтров и абсорбентов. В почву он подсыпал удобрения и сухие остатки жизнедеятельности людей. Запах, однако, тут стоял терпимый. Его нейтрализации серьезно помогали многочисленные, выведенные в лабораториях микробы, черви, грибки, жуки и клещи. Заодно они рыхлили почву, измельчали мертвую древесину и выполняли еще множество полезных дел.

В самой середине оранжереи цвели фруктовые деревья, по ее краям вызревали злаки и овощи, но главное – среди пальм имелось настоящее озеро с карпами и раками. Клим посидел на пластиковой скамье у среза воды, послушал мирное гудение прижившихся в безопасности робомух. Некоторые из них сошли с электронного ума и занимались опылением, летая с куста на куст и топча цветы. В ответ на это венерины мухоловки тоже перестроились и наловчились переваривать металлопластиковых «насекомых» с таким же успехом, как настоящих.

Часть растений жадно тянула к посетителю узловатые ветви, но геолог знал, что его не съедят. Мартын однажды поведал ему, что пересаживает гены животных растениям, чтобы повысить их урожайность и отвадить паразитов. Результаты опытов пока не слишком впечатляли. Возился ботаник и с марсианскими бактериями, прикипевшими к химическим реакциям типа окисления железа. Теперь оставлять в оранжерее что-либо металлическое не рекомендовалось.

Утреннего полива Клим избежал, скрывшись от него в обратном направлении к шлюзу. Ботаник как раз закончил возню с ростком и шарил в глубоком поддоне, откуда и достал в конце концов нежно-желтый корнеплод. Тот был чист и терпко благоухал.

– Опять модифицировал генами? Что-то подозрительно хорош, – насторожился Клим. – И пахнет нехарактерно.

– Я его спиртом отмыл.

Геолог перевел с дебетки два юаня на счет Мартына и выразил восхищение идеальными формами репы. Даже хвостик у нее не просто безвольно свисал, а бодро закручивался спиралью. Коллеги на Фобосе, и в первую голову Ноэль, будут посрамлены. Клим еще какое-то время поучаствовал в ботаническом диалоге, посоветовал Мартыну привить лианам гены песчаного червя (чтобы они душили нежеланных гостей) и отбыл к станции монорельса.

Путь его лежал на стартовый комплекс, сооруженный на краю долины Маринера, в сорока километрах от Офира. Вагоны в этот час позднего утра были почти пусты, мча Клим мимо заводов по переработке разных полезных ископаемых, подземного льда, гидратов солей и прочей нужной человеку химии. Поскольку работали они в автоматическом режиме, людей тут практически не было – только сменные техники, инженеры по качеству и тому подобный люд. Стартовый комплекс находился между последним предприятием на этой ветке моно-

рельса и одной из двух атомных станций (та, впрочем, была удалена на безопасное расстояние и заглублена на 500 метров в грунт).

Палм на боку Клима пискнул, и в среднем ухе геолога раздался сварливый голос отца:

– Ну, и где ты? Почему я тебя не вижу?

Не разворачивая экран, Клим отозвался движением связок:

– Позвони через месяц, я отбываю на вахту.

– Опять! О матери забыл! Ты давно у могильщиков был, поторапливал с памятником?

Уже пять месяцев информацию собирают.

– Ну, к годовщине-то успеют...

– С Венеркой приходи. – В голосе старика послышалась теплота. Девчонка сразу понравилась Сергею, который увидел в ней, кажется, незаурядный эротический потенциал. На ее ужимки он отвечал древними как Марс сальностями, но те лишь сместили Венеру. Особенно ей нравилась его новая органо-пластиковая кожа (оплаченная пенсионным фондом). Три искусственных ноги старика тоже веселили девушку.

Через десять минут Клим прибыл на нужную станцию и поднялся в грузовом лифте на поверхность Марса. В котловане с наклонно уложенной взлетной полосой уже всю кипела предстартовая работа механизмов. Заправочно-дренажная мачта гудела от внутреннего напряжения, монтажные роботы подцепляли агрегат экстренной эвакуации. А колонна пневмогидросвязи и сам челнок подверглись целому нашествию диагностических механизмов. В закрытом от пыли котловане было очень светло.

Вскоре прибыли и другие вахтовики – геотехник Марсино Канетти (крупный негроид с зачатками брюшка), археолог Ноэль Габо (общительный коротышка с космическим самомнением) и спец по системам жизнеобеспечения Роман Чжанг – обычный желтый парень. Еще пару лет назад на вахту вербовали также повара и врача в одном лице. Но умная голова в «Азефе» решила, что ребята сами справятся с разморозкой пищевых брикетов (а уж автоматический хирург и зивокс от всего вылечат), и должность упразднили.

Команда обменялась сдержанными приветствиями – суетиться перед началом вахты считалось дурным тоном.

– Ну, братья во Христе! – бодро воскликнул пилот. Он придирчиво следил за наполнением грузового модуля челнока. – Готовы? Эй, смотри, куда суешь! – осадил он ретивого робота, который попытался пристроить кислородный баллон прямо на гладкую макушку химического радиатора. В шлюзе возникла скоротечная пробка из блоков воздушноснабжения, водочистки, ящиков с продуктами и средствами защиты.

Диагносты тем временем отцепились от стыковочного модуля, на минуту облепили боковой (резервный) узел и тут же переметнулись, семена суставчатыми лапами, к открытому модулю жизнеобеспечения. Раздался истошный писк, затем роботы вывалились из модуля с наколотыми на манипуляторы крысами.

– Скорей бы, – пробасил Канетти. – Долго еще, шеф?

– Ты же не хочешь окочуриться в вакууме? Потерпи, брат!

Клим подумал, что еще никогда не видел, как разворачивается, будто диафрагма древней фотокамеры, круговой клапан над макушкой челнока. В это время он всегда лежал пристегнутым к противоперегрузочному креслу. Где-то за горизонтом, в 6000 километрах выше, с запада на восток сейчас мчался Фобос, приближаясь к точке встречи с челноком.

Чжанг принялся делиться с коллегами, как скучно ему жилось на Марсе, каждодневно торча в симуляторах и отрабатывая нештатные ситуации. Рассказ его сопровождался сочувственными репликами – все четверо уже плохо представляли себе безвылазную жизнь на планете. Клима помалкивал, не зная, как донести до товарищей назревшее решение покончить с опасными вахтами. Скорее всего, после месяца в невесомости, вдали от марсианских развлечений смириться с таким выбором будет проще.

Скоро диагностика челнока была закончена, и команда погрузилась в модуль. Последним влез пилот, задраил люк и слился с автоматикой, нацепив на себя ворох датчиков. Так он напрямую, контактным способом соединился с бортовым компьютером. Геолог с содроганием представил, как его тело разгоняется и лавирует в каменном поясе, а вокруг вакуум... Нет уж, лучше запаковаться в скафандр и ограничиться нормальными человеческими ощущениями. Он включил обзорный канал, чтобы поглядеть на Марс с высоты.

Пятна света в ангаре сдвинулись, мелькнули косолапые фермы, отваливаясь от туши челнока, и корабль вырвался в узкое отверстие клапана на свободу. Резкие черные тени, разбавленные красноватыми всполохами острых скал, полоснули по глазам. Справа разверзлась пропасть Копратес, а слева развернулась плоская (с высоты) долина Маринера, изрытая оспинами древних открытых выработок. И тотчас восходящее Солнце выпрыгнуло из-за корявого среза горизонта, растекшись по экрану мелким желтком с розовой каемкой.

10-й день сезона Юйшуй, Фобос

Тяготение прижало Клима к креслу. Оранжевый горизонт скруглился и стёк вниз, уступая место крапчатой черноте космоса. Начинался первый опасный участок пути – пояс мелких астероидов и старых спутников, так называемая Третья санитарная орбита. Включилась лазерная защита, чтобы мгновенно расстрелять любое опасное для челнока тело. Избежать маневрирования, как обычно, не удалось. Ускорение пару раз дернуло кресло Клима, затем вдруг включились боковые ионные двигатели, переводя корабль на «горизонтальный» полет.

– Неполладки в системе ориентации! – вскричал внезапно пилот по внутренней связи, дергая челнок. – Держись!

Корабль трянуло, кресло попыталось вырваться из-под Клима, но ремни удержали строптивца на месте. Челнок развернуло, на экране перед геологом показался край огромного Фобоса, стремительно нагонявшего скорлупку с людьми на борту. Если их вынесет на встречу со спутником, никому не поздоровится – относительная скорость никак не меньше ста метров в секунду.

– Отворачивай! – не выдержал Чжанг. Ему еще не приходилось участвовать в орбитальных передрягах, типичных для санитарной зоны. Но и Клим не припоминал, чтобы в челнок ударял крупный обломок, способный хоть что-то повредить.

– Диагност, – напряженно сказал пилот. – Это он застрял в блоке ориентации. Сломался, уродец! Поторопились мы, братья. Всем надеть спасательные скафандры, сейчас тут будет вакуум. – Сам он по уставу обязан был весь полет провести в герметичном костюме, способном поддерживать его жизнь не меньше часа.

– Почему? – одновременно заорали пассажиры.

– Кто из вас обучен работать в космосе?

– Клим, выполняй его команды! – приказал Канетти (он был старшим смены).

– Мы все обучены, йопт!

– Давай-давай, это приказ.

Геолог заметил, что он один еще не застегнул скафандр, и поспешил сделать это. Все четверо болтались в креслах, пристегнутые к ним ремнями. Челнок по-прежнему мотало, поскольку пилот, несмотря на противодействие извне, старался выровнять его и отвести от траектории столкновения с Фобосом.

– Готовы, братья? Задержали дыхание!

Шлюз автоматически разгерметизировался, и вся масса воздуха одним веселым хлопком испарилась в забортном вакууме. Клим отклеился от кресла, нащупал рядом с люком карабин страховочного фала и закрепил его на поясе.

– Видишь паука? Вцепился в боковое сопло, гад!

Геолог наполовину высунулся из ремонтного люка, выходявшего в узкий зазор между грузовым отсеком и модулем жизнеобеспечения. Тут крепились две штанги с боковыми ионными двигателями. Один из диагностических роботов, почему-то не покинувший корабль по команде пилота перед стартом, сейчас выбрался из какой-то щели и ухитрился заблокировать суставчатыми ножками вращение сразу обеих штанг.

В зазор между модулями, сквозь неуправляемое вращение челнока, мелькнула громада спутника и несколько ярких точек мусора, блестящих отраженным светом Солнца.

– Отцепляй, брат! – взревел пилот. – Через пять минут врежемся!

Клим, победив головокружение, оттолкнулся от края люка и рывком преодолел полтора метра вакуума. Магнитные подошвы притянулись к поверхности модуля жизнеобеспечения, но он отклеил их и развернулся. Удар ботинка оторвал тельце диагноста от штанги, оно скользнуло по травленной шкуре челнока и беззвучно уплыло прочь. Но осталась одна титановая лапа.

Пилот включил ориентацию. По обеим сторонам от Климa вспухли плазменные бутоны, разом погасившие вращение. Но он их, конечно, не увидел, а догадался по низкой дрожи, пробившей челнок. Мимо шлема проплыла развороченная лапа диагноста, геолог схватил ее и стал перебирать фал, затягивая себя в модуль. Через несколько секунд он уже задраил люк и слушал шипение воздуха, наполнявшего кабину.

– Вовремя, – проворчал пилот. Челнок упруго ускорился, ложась на параллельный Фобосу путь.

– Отлично сработано, Клим, – сдержанно высказался Марсино. На лбу у него заметны были крупные капли пота, однако голос звучал ровно.

– Что, все нормально? – недоверчиво спросил Чжанг.

Ноэль же привычно хмыкнул, но геолог видел, как бледна его желтая физиономия за пластиком скафандра.

Санитарная орбита осталась позади, а сверху на челнок уже напозла колоссальная туша Фобоса. Это с поверхности Марса он представляется всего лишь безобидной звездочкой. А тут, в полчаса лета от него, все его двадцать километров в поперечнике с жутким кратером Стикни посередине вызывают первобытную дрожь, словно доставшуюся в наследство от первых астронавтов. Черный провал кратера зиял, будто пасть могучего безнозого зверя – хотя и пробитого глубинными ранами-шахтами, но еще живого.

Край Фобоса неумолимо отсек от корабля Солнце. Челнок медленно погрузился во мрак Стикни.

– Всем оставаться на местах, братья мои! – бодро скомандовал пилот, снимая с тела присоски и выдергивая из мозга штекера прямой связи. Его безухий череп весело поблескивал в свете приборной панели. – До полной остановки транспортного средства. – Клим давно знал, что вживление портов в мозги заметно меняет человека, поэтому странности пилота его не удивляли.

В дело вступила автоматика стыковки, поэтому пилот и отключился от системы управления. Челнок не должен дергаться в такой ответственный момент. Через несколько минут плавного движения штырь стыковочного узла мягко вошел в приемный конус станции «Фобос», с шипением выровнялось давление, и внутренний переход на спутник был готов.

– Дóма! – потянулся здоровяк Канетти, хрустя креслом.

Пассажиры по очереди выплыли в переходный тамбур, затем в скругленный коридор станции. Прежняя вахта ожидала их в кают-компании.

– Привет, смертники! – раздались радостные голоса.

Вахтовики, естественно, успели стосковаться по семьям и марсианскому шику, Клим и сам испытывал подобное нетерпение, ожидая челнока с новой сменой. Правда, на второй же день жизни внизу ему вновь хотелось на Фобос, а суставы, нывшие от перегрузки, вообще мечтали обратно с первой же секунды гравитации.

– Видали по головизору, что Фобос через неделю лопнет?
– Старые замогильные шутки, – добродушно ухмыльнулся Канетти. – Как я их люблю, ребята.
– Мы еще вас дождемся, самоубийцы, – холодно прищурился Ноэль.
– Припасы-то привезли? А то мы подчистую склад уделали.
– Чжанг, у вас кабель связи с шахтой 17 барахлит...
– Так починил бы, Марс всемогущий! «У вас»! Целый месяц чем занимался?
– Новая шахта на подходе, старая почти выбрана... Проверь расчетную точку, Марсино.
– Эй, Габо, я тут маленького зеленого человечка замариновал, так ты уж не побереги его, не потроши сразу.

– Забирай его к богу войны, брат во Будде.
– Если кто-то хоть что-то сломал, клянусь освободить этого робота ЕЦСС, – пригрозил Чжанг и незлобиво пнул потертый аппарат в бок (держась за поручень, чтобы не отлететь в сторону – тяготение-то на Фобосе было микроскопическим).

– А он уже и так в порядке.
– Врешь?
– Эй, парни, мы тут пушку на свободные поселения направили. Ютан, Урк и Гастр. Из Кайзера прислали депешу: «Готовим ответный подарочек».

Это было давней и почти неприкрытой мечтой признанного Землей правительства Марса – сбрасывать отходы уранового производства на независимые города планеты, чтобы хоть в чем-то досадить им. Не получается совладать политически, так хоть мусором с орбиты забросать. Но вряд ли такие действия можно было назвать разумными, поскольку Кайзер (ведущее поселение среди неподконтрольных правительству, расположенное в склоне одноименного кратера) имел обширную агентурную сеть в марсианских городах и средства биологической войны. Потому, собственно, с Кайзером в открытую и не связывались.

– Умно поступили, что только Утопию замусориваете. Ладно, спасибо за идею, к вашему приезду мы Ноахис тоже окупим, – снизошел до шутки суровый Канетти.

Робот ЕЦСС привычно моргал диодом. Чжанг осторожно, под смешки коллег заглянул ему за «спиной». Лет десять назад состоялось очередное, плановое освящение станции Единой Церковью, и тот визит оставил после себя новенького робота – сборщика пожертвований. Все эти годы робот тихо стоял в кают-компаниях, привязанный к ножке стеллажа, и запитывался прямо от сети (церковники сэкономили на аккумуляторе). Но парни из «Азефа» – не такие идиоты, чтобы так просто отчислять собственные трудовые юани чужому богу.

– Я знал, что малышу не нужны наши карты, – хмыкнул Роман.

В первый же месяц после появления этого робота кто-то прилепил ему на сенсор пустую дебетку (выворотил из неисправного палма, не иначе). С той поры всем довольный механизм непрерывно снимал с нее ноль юаней каждую минуту и прилежно отсылал их на Марс, на счет Церкви. Наверняка святые отцы ЕЦСС догадались о проделке азефовцев, но пронять руководство компании им не удалось, а «карательная» инспекция вышла бы пустой тратой средств. Им оставалось только втихаря (секретным письмом) проклясть вахтовиков станции «Фобос». Проявленный публично, этот жест вызвал бы в обществе негативный резонанс.

А поскольку на станции работали сплошь буддисты, то о проклятии христиан они могли смело забыть.

Следующий час после прибытия новой смены ушел на ознакомление с обстановкой и официальный прием вахты. Ближе к вечеру, когда спутник уже клонился к востоку, собираясь скрыться в тени Марса, Клим наконец смог разложить вещи по шкафчикам и обесточить панорамные обои с видами Марса. Затем он повалился на койке, приносиваясь к полузабытым запахам станции и прислушиваясь к ровному, на грани восприятия гулу подстанции и систем жизнеобеспечения. Это были последние минуты в подлинной невесомости. А потом пришлось

напяливать специальные ботинки и комбинезон с амортизаторами, заменяющими поле тяготения. Иначе по возвращении на Марс растянешься прямо в челноке.

Клим проверил настройки «домашнего» робота и отправился в кают-компанию.

Несмотря на то, что наезжало сюда всего четыре сотрудника «Азефа», станция занимала значительную часть дна кратера Стикни. Четыреста лет назад, когда ее строили, тогдашний арендатор всерьез рассчитывал обогатиться на разработке урана. Но сооружение атомных станций на Марсе быстро заглохло. Только две и успели запустить – в Офире и Меласе. Современные энергетики предпочитали термоядерные источники, они безопаснее в эксплуатации и не требуют особого топлива, к тому же не производят бесполезных отходов.

Так и вышло, что многие когда-то жилые отсеки «Фобоса» простаивали без всякой поддержки. Ни воздух, ни тепло туда не подавались, а шлюзы, ведущие к ним, были наглухо задрены. Смена занимала только один 10-каютный отсек, ближайший к складу бурильного оборудования и роботов, стыковочному ангару, диспетчерской, подстанции и отсеку воздушных и водных смесей. Все необходимое уместилось на пяти тысячах квадратных метров полезных площадей. Остальные пятьдесят представляли собой мертвое (вот уже триста лет) пространство, чужеродную каверну в теле спутника. С момента постройки станции, впрочем, число таких каверн непрерывно росло. Сначала бессистемно, а затем в соответствии с расчетом напряжений в структуре Фобоса.

В гостиной висел только Ноэль. Он завел музыкальный автомат (сугубая классика) и покачивался возле резервного терминала связи с выработками, просматривая срезы шахтных стен и образцы камня.

– Хоть бы уж в самом деле найти зеленых человечков, – угрюмо сообщил он.

– Так тебя надули, что ли? Никто не заспиртован? Вот гады!

Клим облетел помещение, заново «знакомясь» с портретами славных личностей прошлого и десятками безделушек, оставшихся от бесчисленных вахт – обломками буров, диковинными экспериментальными роботами... Имелись тут и самодельные, но оттого не менее трогательные фигурки реголитовых Будд. Клим пристроил на свободное место покореженную лапу диагностического робота, предварительно нацепив на нее магнитную присоску. Такие присоски прочно удерживали все это добро на стенах.

Кеплер, Азеф Холл и его супруга, в девичестве Стикни, благосклонно глядели на дары Фобоса. Или Фобосу? Особое место в гостиной занимали антикварные снимки «Маринеров» (тень спутника на серой поверхности Марса) и особенно – легендарного «Фобоса-2». Последние хранили вид спутника таким, какого уже никто не увидит воочию – первозданным, изрытым мелкими кратерами. Расчерченным пресловутыми бороздами, похожими на царапины космического хищника, тянущимися от кратера Стикни...

Картинки и особенно Будды хорошо помогали Климу выбросить из сознания все плохое, что внедрилось в него за месяц жизни на Марсе. Все эти скучные посиделки в офисе над схемами геологического строения Фобоса и проектами бурения новых шахт, анализами срезов и реголитовых обломков. Он отключил на время работу левого полушария мозга и вернулся в собственное эволюционное прошлое. Все стало ясным и прозрачным, оставалось только естественно вписаться в поток жизни, а затем уже не выпасть из него. И так до самого неизбежного возвращения.

– Что, вытравляешь Марс из мозга? – хлопнул его по плечу Канетти. – Как, ребята, все готовы к вахте?

Осталось только закусить Климовой репой. Геолог аккуратно разрезал корнеплод на четыре части, и они ушли под хвалебные комментарии и усиленные дозы зивокса. Кому хочется потом маяться с желудком?

11-й день сезона Юйшуй, Фобос

Работа для Клим, как водится, нашлась с самого утра. Он только надумал устроиться у терминала и войти в Сеть, чтобы полистать-таки музейные каталоги древних аппаратов (появилась мысль автоматизировать поиск), как сработала тревога.

– Отлично... – высказался геолог в пространство, подхватил легкий и теплый мономерный костюм для работы в скафандре и двинул в ангар.

Его персональный, не один десяток раз испытанный в деле скафандр висел на своем месте, в герметичном шкафчике. Клим достал заслуженную, с поцарапанным алюминатным слоем космическую шкуру из тройной демроновой ткани, густо прошитой стальными нитями. Между демроновыми слоями имелись два аэрогелевых, незаменимых в холоде открытого космоса.

Наскоро проведя спреем по локтям и коленям, Клим сгладил микроцарапины и быстро облачился в скафандр. Палм он затолкал в особый внутренний карман на боку, выведя от него контакты к шлему и нарукавной клавиатуре.

– Проверка связи! – сказал он, не затягивая крепления шлема.

– Принимайте координаты цели, – отозвалась автоматика.

Только он сейчас готовился к выходу, остальные же спокойно изучали информацию, поступающую по каналам связи. Чжангу вообще практически не нужно было выбираться со станции, Канетти – только при начале разработки новой шахты и при консервации старой. А Ноэль надевал скафандр только ради развлечения, один-два раза сопровождая Марсино. Неудивительно, что именно Климу с его опытом пришлось выходить из терпящего бедствие челнока наружу, чтобы сбить проклятого диагноста со штанги.

– 62 градуса северной широты, 34 градуса западной долготы, – проинформировала автоматика.

– Спасибо, – бросил Клим в пустоту и нацепил ранец с компактным электротермическим двигателем. – Другой конец Фобоса...

– Расстояние до цели – 9,47 километра, – не согласилась система.

Геолог проверил оба фосфо-оливиновых аккумулятора, прилагавшихся к двигателю. Спасибо Чжангу, он не пропустил этот важный элемент при вчерашней приемке дежурства – заряжены они были полностью. Потом геолог сунул в ремонтный ранец исправный датчик, на всякий случай прогнав через него тестовый сигнал. Теперь ничто не держало Клим в ангаре, он подал питание на шлюз и втиснулся в него. Часть воздуха была быстро абсорбирована выдвижной решеткой, остатки же выветрились в космос, когда внешняя створка отклеилась от прокладки и съехала в сторону.

Ездить на Фобосе невозможно, человек и тот весит здесь всего несколько граммов. Приходилось рассчитывать только на ранцевый двигатель. Так проще и намного удобнее, чем запускать дрезину. К тому же с дополнительной техникой повышается риск застрять где-нибудь в реголитовой щели и посадить аккумуляторы, выцарапываясь оттуда. Миновав стыковочный узел, тускло блеснувший в тени, геолог направился к границе между полной чернотой и звездным небом – периметру Стикни. Ориентиром служила пятнадцатиметровая ферма, на которой была закреплена гигантская солнечная батарея. Ферма стояла, углубясь в грунт тремя ногами, на самом краю пресловутой «борозды».

Клим давно уже потерял счет таким вылазкам в вакуум. Точнее, он перестал считать их в первый же год вахтовой работы на спутнике. Поверхность его он знал едва ли не лучше всех в «Азефе». Он облетел на низкой высоте все кратеры и пощупал перчаткой все самые значительные валуны – темные, с низким словно у астероидов альбедо. Не раз поднимал он руками или выхлопом двигателя реголитовую пыль и улетал прочь, не дожидаясь, пока смехотворное тяготение вновь придавит ее к метровому слою плотной «взвеси», покрывшей Фобос.

Длинные и резкие тени ничуть не мешали ему держать верное направление. К тому же автоматика порой подавала корректирующий импульс на двигатель, когда он слишком укло-

нялся в сторону. По пути пришлось миновать несколько глубоких параллельных борозд, непро- ницаемо черных – в одной из них он и нашел обломок неведомой трубки с загадочным знаком. Кажется, такие ставились на древнееврейский зондах... Но Клим не был уверен, что знак сов- падал до деталей, а с каталогом пока не успел толком поработать.

Скоро Солнце целиком осветит поверхность, и реголитовая взвесь нагреется до трехсот Кельвинов. Наверное, окажись тут воздух, можно было бы пару часов позагорать на «песочке», пока Солнце не спрячется за горизонтом.

– Клим, как ты? – очнулся Марсино.

– На полпути к датчику.

– Не разгоняйся там...

– О чем это ты? Парю как робомуха.

Геофизические датчики, сеть которых раскинулась по всему спутнику, приходилось порой заменять. Все-таки условия тут были довольно жесткими – и радиация, и перепад тем- ператур, и внутренние напряжения в спутнике, иногда сбивавшие настройку приборов так, что дистанционно наладить их не удавалось. Без этих маленьких, но умных штук всякая работа на Фобосе бы замерла, что бы ни думали об этом бог шахтных агрегатов Канетти и «даритель жизни» Чжанг. Именно по скорости прохождения сейсмического сигнала между датчиками и определяется, где возникла угроза стабильности Фобоса. Там, где порода достигает крити- ческого напряжения, следует немедленно начать выработку урановой руды, то есть бурить шахту. Это по сути и было написано в контракте между правительством Марса и «Недрами».

Клим мог бы гордиться тем, что лично установил четыре из трехсот с лишним минераль- ных типов, обнаруженных на Фобосе. Все безводные и слоистые силикаты открыли задолго до него, лет четырехста назад. Простые окислы и железо-никелевые сплавы тоже составили когда-то предмет чьей-то гордости. Счастливчикам прошлого достались и чистые металлы с углеродом, а также кое-какая распространенная в космосе органика. Клим же твердо опреде- лил несколько редких разновидностей оливина – но похвастаться этим достижением мог разве что перед самим собой. Даже премию не дали.

Из-за края спутника показались модули одной из нескольких солнечных электростанций (круживших на более высокой орбите). Они тщетно пытались повысить температуру Марса во время зимних холодов. Эта станция была собрана еще не до конца, хотя обе солнечные бата- реи уже заняли свои позиции. Робот-сборщик монтировал на них оборудование, и его ионный двигатель время от времени поблескивал горячим пучком частиц. Через несколько дней гор- мональная программа сборки даст команду, и обе батареи сойдутся в одно целое, образовав колоссальный двухкилометровый энергоприемник.

В общем, роботы на Фобосе так и суетились.

Спустя двадцать минут полета вдоль изрезанной тенями поверхности Клим достиг рас- четной точки. Датчик был заложен в керамическую трубу, целиком помещенную в грунт. Ору- довать следовало осторожно, малейшее неловкое движение могло поднять в «небо» кучу рего- литовых обломков. Клим быстро, с помощью магнита извлек датчик и заменил его на новый.

– Пробный сигнал, – приказал он далекой автоматике.

Новый датчик тут же вписался в схему контроля над каменным телом Фобоса. Делать тут больше было нечего, и Клим повернул обратно. Перед ним оказался полукруг Марса – огром- ного, ярко-оранжевого в полуденном свете Солнца. Даже бледные пятна углекислотных обла- ков имелись, ведь бактерии постепенно меняли атмосферу планеты, хоть и очень медленно.

Геолог нашел взглядом родной каньон в долине Маринера, с неразличимым пятнышком Офира. Внезапно ему показалось, что он падает на Марс, и он поспешно опустил глаза к пыль- ным реголитовым завалам, подавляя неприятное ощущение.

Забравшись в унылую шлюзовую камеру, Клим вытерпел потоки карболовой кислоты, а затем и пары фенола. Нужно было начисто смыть со скафандра дайнококусков – устойчивых

к радиации микробов, которых случайно завезли на Фобос лет триста назад. Проносить их внутрь станции было строго запрещено.

1-й день сезона Цзинчжэ, Фобос

Наряду с анализом показаний от сети датчиков Клим выкраивал время и для работы с Сетью, пока безрезультатной. Ни одной детали с похожим на сплюснутую звезду знаком ему упорно не попадалось, и Клим все чаще вспоминал старика-антиквара с его предложением помощи. В остальное время он смотрел по головизору новости и фильмы.

На пятый день он понял, что ему не хватает обычного общения, и явился в кают-компанию. Оказалось, что здесь висит только Ноэль.

– А где Чжанг и Канетти?

– Почему я знаю? – откликнулся археолог. – Помнишь, что мы обсуждали в последний раз?

– Про свалку отходов? И ты все еще думаешь, что уранинит образовался искусственно? – Клим растянулся в микрогравитации, позволив телу парить над полом. Внешняя камера транслировала ночную поверхность Марса, лишь кое-где оживленную маяками технических баз.

– Что мы знаем о древних марсианах? Почему бы им не оставить в качестве отходов то, что мы принимаем за руду?

Габо способен был сутками выискивать среди органических молекул спутника следы жизнедеятельности мифических марсиан. Уж сколько сотен лет их ищут повсюду, вплоть до невероятных глубин на самой планете, а Ноэль (оригинал!) вбил себе в голову, что внимание стоит обратить на Фобос. Откуда, например, у него такие мощные залежи магнитных минералов? Ни у одного спутника в целой СС таких нет. Кажется, Ноэля не интересовало больше ничего, кроме древней разумной жизни в системе Марса. У него даже постоянной семьи не было, только временные жены, да и то возникавшие не в каждый его прилет на планету.

Наверное, только такой маньяк и мог открыть что-нибудь стоящее. Но ему закономерно не везло – не те сейчас времена, чтобы эпохальные открытия совершать. А в последнее время в гипотезах Габо, как заметил Клим, стали возникать откровенно безумные элементы. Впрочем, опровергнуть их геолог не мог. Он подумал, что после находки непонятного обломка и сам скоро поверит в инопланетный разум, если не найдет нужную деталь на схеме какого-нибудь старинного зонда.

Начинался сезон Цзинчжэ, и здоровье следовало поддерживать тремя главными способами – психологическим регулированием, размеренным укладом жизни и сбалансированным питанием. Если сохранять спокойствие и избегать участия в дискуссиях удавалось не всегда, то с легкой пищей проблем не было. Правда, биоавтомат, как всегда, отказался работать. Зато патентованная питательная среда вполне функционировала. Клим подлил в нее мясопептонный бульон, открыв кран, и подсыпал сушеных стрептококков, чтобы приготовить себе толику традиционной во время цзинчжэ еды.

– Я еще не говорил тебе, что установил причину появления борозд? – заявил Ноэль.

– Ну-ка, – заинтересовался Клим. – Которая это гипотеза, а?

– Неважно, эта – самая правдоподобная... Полагаю, ты слышал о третьем спутнике Марса?

– Танатосе? Легенду про него в школе проходят.

– Из-за Танатоса почти четыре миллиарда лет назад погибла вся жизнь на планете, если помнишь. Так вот, когда он взорвался, разлетающиеся осколки зацепили Фобос и оставили на нем царапины. Откуда, по твоему, возник Стикни? От удара крупного обломка! Конечно, он был не один, с ним летел рой более мелких камней. Вот этот каменный шквал и поцарапал Фобос.

– Что-то очень просто у тебя получается. Бах – и готово объяснение. Почему же тогда Фобос не свалился с круговой орбиты?

– А вот это следует просчитать. Поможешь? Ты ведь специалист по ударным воздействиям на небесные тела.

– Не по ударным, а разрывным. К тому же я геолог, а не механик, здесь я занимаюсь, в общем-то, не своим делом. Просто «чистые» геологи тут никому не нужны.

– Да какая разница? – вскипел Ноэль. Встречая несущественное (с его точки зрения) препятствие замыслам, он всегда раздражался. Возражений от Клима он не ожидал, поэтому его сопротивление сбило Габо с обычной для него «поучительной» манеры разговора.

Как и все, Клима в детстве изучал культуру и древние верования людей. Конечно, он был хорошо знаком с распространенным убеждением, что четыре миллиарда лет назад на Марсе пышно цвела растительность. Откровенно говоря, он и сам верил в этот миф, хотя никаких ископаемых органических останков (о грунтовых бактериях речи нет) так и не было найдено. У оптимистов находилось этому простое объяснение: гравитационный разрыв третьего спутника, Танатоса. Массированная астероидная атака вызвала резкое повышение температуры, поверхность Марса раскалилась, и огромная часть атмосферы горячими газовыми потоками вырвалась в космос. Растительность, разумеется, сгорела без следа. А без нее остатки свободного кислорода быстро вошли в химические соединения.

– Ладно, – сдался Клима. – Но быстрого результата не обещаю.

– Вот и славно, дружище!

Ноэль задал поиск инфо-каналов и вскоре обнаружил слабый поток одного из независимых поселений Кайзера. Как и все, мнящие себя интеллектуалами, Ноэль предпочитал получать информацию из неправительственных источников. Из-за отсутствия официальной политики и ввиду трансляции земных каналов (в записи, без рекламных врезок) независимые станции тоже нравились Климу. Особенно та, что базировалась в кратере Ютан на равнине Утопия.

5-й день сезона Дзинчже, Фобос

Вахта продолжалась своим чередом еще несколько дней, и к восьмому марта Клима собрал срезы по всем датчикам. Это были вполне универсальные и неприхотливые приборы. На Марсе их устанавливали в роверы для поиска приповерхностных грунтовых вод, а здесь они определяли подвижки геопатогенных зон. На выходе у них получались интегралы фазового сдвига на десятке разных частот, но Клима имел дело не с ними, конечно, а с итоговой сеткой Хартмана. И вот эта-то сетка и выдала ему неприятный факт, ради которого стоило потревожить старшего менеджера смены.

Он вылетел в коридор и преодолел несколько метров до каюты Марсино.

Черный здоровяк плавал перед панелью головизора и смотрел исторический сериал «Ян гуйцзы» из жизни независимых поселенцев – как они здорово, словно настоящие «морские черти», противостоят захватчиками из правительственной армии. Кунфу в скафандрах, да при марсианском тяготении и в самом деле смотрелось захватывающе. Скафандр главного злодея, само собой, был черным как космос, одежда же главного хорошего героя по традиции имела синюю расцветку, а его наставник щеголял в оранжевом. Клима бы и сам поглядел забавистый фильм, но был вынужден заняться делом.

– На станции проблемы?

– Я что, ору как сирена? Нет, тут немного другой вопрос... Хотя проблем нам не избежать, если не возьмемся за дело немедленно. Хотя можно и после фильма.

– Показывай, – вздохнул Канетти.

Клим открыл окно терминала и вызвал на него свою рабочую модель с сеткой Хартмана. Ему в ней было абсолютно все ясно, но вот горняк Марсино, естественно, видел в переплетении геодезических линий только красивый абстрактный рисунок.

– Когда мы в последний раз бурили скважину в окрестностях Стикни?

– Лет сто назад, – удивился Канетти. – Здесь слишком плотная кора, смысла нет, к тому же выгоднее всего добывать сырье на западном боку... Там расход топлива при сбросе отходов на Марс меньше. Да и опасности тут никакой нет.

– Теперь есть. Вот, смотри сюда. – Геолог ткнул световым пером в сгущение линий на сетке. – Сейчас покажу в динамике за последние две недели. Видишь, напряжение сдвигается в сторону кратера? Еще неделя, и при такой скорости оно выйдет на станцию. А здесь бурить шахту, как ты понимаешь, невозможно. Но если его не снять...

– Нимада! Осыплемся каменным дождиком на Марс, – угрюмо буркнул Марсино. – Ну почему это случилось именно в мою смену?

– Вероятность была один к двум...

Горняк засопел, с обидой глядя на сетку Хартмана – словно она не зафиксировала опасность, а предопределила ее. Инженером в области горного оборудования, очевидно, он был грамотным, но ужасно не любил менять устоявшееся течение вещей. Любые нарушения инструкций или установленного ими порядка вносили в его душу разлад, скрыть который он не умел. Тут уж оставалось только напирать на его здравый смысл или «чрезвычайные» параграфы уложений.

– Ты уже рассчитал точку бурения?

– Не все так просто, – выдал главную информацию Клим, чем опять насторожил горняка. – Пока не удастся вычислить главное направление сдвига, вот что плохо.

– Что это значит, во имя Будды?

– Опасность приближается к Стикни сразу с трех сторон. На каком направлении нам следует встречать ее, сказать я пока не могу.

– Неужели ждать? Невозможно! Потом может быть поздно! Переброска оборудования на новое место займет не меньше суток. Слушай, а ты точно знаешь, что эти закорючки показывают такую жуть? – Он недоверчиво ткнул пальцем в сгущение линий на сетке Хартмана. – Может, у тебя в программе какая-то неисправность? Надо доложить на Марс, пусть они решат.

– Конечно, докладывай... Интересно, что хорошего они тебе скажут? Но я сейчас же отправляюсь наружу, чтобы расставить серию датчиков по периметру Стикни. Тех, что уже там стоят, недостаточно.

Канетти с облегчением доверился Климу и сразу пошел в диспетчерскую, прихватив копию данных с терминала. Сам же геолог глотнул чистого пептидного бульона в пищевом блоке, чтобы взбодриться, и стал готовиться к выходу на поверхность. Судя по графику, Фобос сейчас находился в тени Марса, поэтому без света делать в космосе нечего. Помимо фонаря и шестнадцати свежих, только что из упаковки датчиков (по одному на каждые десять километров периметра), он вооружился дополнительным аккумулятором и выволок из шкафа лазерный копр. Этому монстру предстояло загонять в базальт полые трубки для датчиков. Следовало запастись и дополнительным баллоном с воздухом... Размер багажа стремительно нарастал, поэтому Клим отцепил от стенда и грузовую платформу с автономным двигателем, управляемую голосом.

Когда геолог проталкивался со всей этой компанией разных автоматов через грузовой шлюз, грохот при наличии воздуха стоял бы невероятный. Магнитные зацепы и бока платформы, закосневшей в бездействии, бились об окантовку широкого люка. Несколько датчиков попытались ускользнуть из корзины, но Клим изловил их и затолкал обратно, придавив электромагнитом.

Вообще говоря, он был даже отчасти рад такому обороту дел, потому что работать предстояло в том числе и там, где он в прошлую вахту обнаружил таинственный обломок. И первым делом он направился именно туда, к ферме с солнечной батареей. Там начиналась восьмикилометровая борозда, о которых толковал на днях Габо. Была она совершенно типичной (для Фобоса), то есть шириной сто пятьдесят и глубиной восемьдесят метров. В среднем, конечно. Гипотезы Ноэля подтолкнули Клим к мысли установить в месте находки слегка измененную версию геофизического датчика. Чтобы он выдавал не только суммарную характеристику породы, но и нечто большее – локальные аномалии в ней. На эффективности всей серии это практически не скажется, а вот самому геологу при удаче может принести немало...

Внести небольшое изменение в настройку одного из датчиков труда не составило. Если кому-то взбредет в голову проверить его, вскрыв трубу, всегда можно будет сослаться на экстремальный характер работ – недоглядел, мол. Но вероятность такого оборота дел стремилась к нулю.

Огромная ферма осталась слева, и геолог по сгущению окружающей тьмы понял, что влетел в борозду. Он старался держаться поближе к базальтовой, изъеденной карбонатами стеной, по новому вглядываясь в нее. Неужели этот длинный «каньон» действительно был вызван обломком Танатоса? Ударившись о край спутника, он катился по нему, сдирая тонкий реголитовый слой и даже сам базальт... Жуткая картина. Интересно, кора Фобоса при этом должна была расплавиться или нет? Увы, если даже следы плавки или простого сдирания камня и хранились в основании этой борозды, за миллиарды лет они были занесены космической пылью.

Клим активировал голосом всю многочисленную автоматику, которую прихватил с собой. Оставалось только присматривать за тем, как копр трудолюбиво режет с помощью лазерного ножа базальтовый бок борозды.

6-й день сезона Дзинчже, Фобос

Под утро, когда вся серия была установлена, Клим вернулся на базу. Запас бодрящей химии в крови иссякал, но надо было сделать еще одну вещь – включить новые приборы в диагностический контур.

– Что сказал Марс? – Он вышел на связь с Канетти прямо из лаборатории.

Горняк выглядел вялым. Наверняка проснулся незадолго до возвращения коллеги.

– Одобрил, что же еще? Слушай, давай отложим эту беду на пару часов...

– Теперь уже не меньше чем на сутки, – утешил менеджера Клим. – Пока не построю уточненную сетку Хартмана.

11-й день сезона Дзинчже, Фобос

Локализовать угрозу со стороны Фобоса удалось за пять суток. Между сеансами анализа напряжений в коре спутника Клим успевал поработать со своим «персональным» датчиком, раз за разом прощупывая окрестности точки, в которой он нашел обломок со «звездочкой». Но то ли мешало общее напряжение грунта в связи с опасностью взрыва, то ли аномалии просто отсутствовали – в общем, ничего интересного так и не нашлось. Обычные куски реголита и пыль, редкие вкрапления множества минеральных типов, ничуть не похожие на искусственные объекты... «Может быть, стоит увеличить радиус зоны охвата с десяти до ста метров?» – подумал Клим, а потом так и поступил. Возни с данными теперь ему должно было хватить до самого конца вахты.

К вечеру вся смена собралась в кают-компанию. Канетти едва ворочал конечностями, лениво просматривая рапорты от шахтных автоматов, Ноэль с кислой миной слушал что-то по отдельному аудиоканалу...

– Почему они мне ничего не говорят? – накинулся на геолога Чжанг. – С утра поднялась такая суета, что воздушные колонки задымались! Разве можно так часто эксплуатировать грузовой шлюз? Клим, скажи ему.

– Не видишь, Марсино занят новым проектом...

Клим вывел на панель головизора другой канал, стерев какое-то кислотное шоу с участием биокерамических монстров. На всех выборах он стабильно голосовал против поправки к конституции, которая дала бы этим уродцам равные права с людьми. Пусть человек и сам наполовину состоит из пластика и металла, но мозги-то у него пока не электронные!

– Габо вон совсем не интересуется, к чему такая спешка с новой шахтой, – снизошел до реплики Марсино. – Учись у него хладнокровию, малыш. – Он предостерегающе покосился на Клина и продолжал: – Марс приказал отработать экстренное бурение, понятно?

– Чего ж тут не понять? – недоверчиво пробормотал Чжанг.

Как всякого неопита, его интересовало все, что попадалось у него на пути. Помешанный на автоматике, этот черный парнишка с серебряными волосами даже палм вживил себе в копчик. Легко увлекаясь, от так же легко переключался на что-нибудь другое. Но благодаря емким чипам в мозгах успевал схватить суть предмета до того, как терял к нему интерес. И память у Чжанга была отменной, он не поленился даже скинуть в нее полные инструкции ко всем приборам и автоматам системы жизнеобеспечения.

А вообще, если кто и мог вызвать недовольство коллег странностями своего поведения, так это Ноэль. Но он, хоть и состоял формально на службе в «Азефе», получал лишь грант от правительства. Других таких безумцев, способных поверить в наличие на Фобосе признаков древней жизни, на Марсе не имелось (сменщика у него не было, грант выделялся только один). Кстати, наверняка Габо выполнял и еще какие-нибудь задачи своих высоких боссов из столицы, о которых не распространялся...

Получив нужный ответ, Чжанг расслабился и стал дергаться под инфразвуки своего любимого музыкального коллектива. Выходной сигнал от головизора он направил прямиком себе на ушные отверстия – вот тактичный парень!

Этот вечер выдался последним относительно спокойным за всю вахту. Клим даже повозился с вечно расстроенным биоавтоматом, добиваясь от него штатной работы. Смена привезла с собой набор ампул со штаммами трихoderма и акремониума, и часть из них Клим сунул в биокамеру с реактивами. Сколько он помнил, в механизме разбива ампул вечно случались сбои, хотя кто только ни пытался чистить штоки и лазить в блок программного управления.

Пару ампул геологу все же удалось разбить и вывести из их содержимого полноценную закуску.

12-й день сезона Дзинчже, Фобос

На следующий день утром Клим был вырван из рабочего состояния отвратительной сиреной внутренней тревоги. Звук резанул по ушам, одновременно вспыхнули сразу все экраны в комнате, а рабочая панель терминала оранжево вспыхнула.

– Всем персоналу станции надеть скафандры! – нежно проговорила система. – Критические сдвиги поверхности!

«Началось! – обмер Клим. – Но ведь мы рассчитали точку бурения, автоматы всю работу делают...» Заученными движениями он активировал сборку спасательного скафандра и через несколько секунд был уже полностью экипирован. Воздух со щелчком потек сквозь клапаны, панель над глазами выдала диагностические параметры – все было в норме. На ходу Клим подключился к внутренней связи и тотчас едва не оглох от шквала команд:

– Всем немедленно собраться в операторской! – нервно кричал Канетти. – Доложить о состоянии личной защиты!

– Что ты вопишь, Марсино? – поморщился геолог.

– Все в порядке, – недовольно встрял Ноэль. – Что за кавардак?

– Я готов! – испуганно доложил Чжанг. – Системы жизнеобеспечения в норме, пока не вижу никакой угрозы...

Но Канетти не стал углубляться в детали, не видя сотрудников. Им пришлось лично прибыть в кабинет менеджера. Сейчас все приборные панели вместо мирного помаргивания индикаторами излучали тревожный оранжевый свет, а прямо посреди объемной голограммы Фобоса зияла черная трещина. Один из ее концов всего километра не дотянул до станции, уткнувшись в новую шахту.

– Авария, – коротко сказал Марсино, глянув на Клима. – Разрушен склад с резервным оборудованием в старой шахте, прервано питание пневматической пушки...

– Великий Будда! – Чжанг, как всегда, переживал больше всех. – Теперь порода будет скапливаться в штреке, так? Но ведь придется остановить выработку.

– Уже остановили. Всё, слушаем команды: Ноэль отвечает за координацию связи с Марсом и обеспечивает аппаратную поддержку ремонта. Чжанг, ты восстанавливаешь подачу энергии к новой шахте, которую мы вчера заложили – и быстро! Это самый критический участок, нужно как можно быстрее возобновить работу пушки, чтобы не дать обвалиться орбите. Клим и я работаем непосредственно в штреке, завариваем трещины в коммуникациях и заменяем разбитые части бура. Держите сервисные программы. – Марсино раздал всем диски с электронными экспертами, без которых не выходит на объект ни один ремонтник. – Вопросы?..

– Это так серьезно? – мрачно высказался Ноэль после паузы. – Фобос может развалиться в любой момент?

– Чепуха, всего лишь какая-то мелкая трещина. – Горняк бодрился, однако его слова вряд ли кого-то могли обмануть. Но паниковать в такой ситуации было бы намного хуже. За такой срыв потом, при благополучном исходе аварии, запросто выгонят из менеджеров. – Да, всем надеть блоки полной физиологической поддержки и дополнительные аккумуляторы.

За этим добром пришлось двигать на склад, в каютах таких экзотических навесок не держали.

Все молчали, но судя по физиономиям коллег, Клим подозревал – думают они примерно то же, что и он сам. «Челнок вызван или нет? Успеют подобрать на пути к Марсу, если Фобос лопнет?» Мысли были гадкими, отвлекающими от поломок и их устранения. И особенно одна: «Что там теперь с сеткой Хартмана?»

– Клим, – обратился Канетти по личному каналу связи. – Я сейчас вылетаю к шахте, а ты погляди на свои картинки... Как их там? В общем, надо узнать, изменилось что-нибудь в диаграмме напряжений или нет. Там мы копаем шахту, Хаос ее заберет? Может, вся схема изменилась так сильно... Ты понял?

– Верно, – кивнул геолог. – Отличная идея, босс.

Сетка представляла собой нечто совсем не похожее на ту картинку, что красовалась на терминале Клима еще вчера. Сгусток изолиний передвинулся на противоположную от новой шахты сторону Фобоса, оставшись таким же плотным. «Все, хватит уже так рисковать, – сумрачно подумал геолог. – Чем дальше, тем опаснее тут находиться... Если сейчас пронесет, точно осяду на Марсе».

14-й день сезона Дзинчже, Фобос

Следующие двое суток прошли для него в непрерывном сражении с буровым оборудованием. Канетти командовал монтажом на новом месте, а Клим обеспечивал спасение тех агрегатов, что еще функционировали, из прежних выработок. Из офиса «Азефа» пришла команда консервировать все оборудование, прямо незадействованное в добыче руды.

Фобос, как будто выдохшийся после вспышки активности, замер и словно готовил втихомолку новый удар с неожиданной стороны. Клим, под влиянием безумных идей Габо, уже готов

был заподозрить в этом каменном монстре скрытый, слепой разум. Но здравая сетка Хартмана и шахта, пробуренная в нужной точке (ведь это она стабилизировала спутник), пока удерживали его от суеверий.

– Мне будет не хватать наших смен, – неожиданно признался ему Ноэль во время пере-дышки на «обед». Картинка с физиономией археолога, впавшего в сентиментальность, пла-вала в шлеме Клима перед его левым глазом. Правый в это время отслеживал возню монтаж-ных автоматов, отковыривающих коммуникации от стен шахты. – Знаешь, этого вида на Марс с высоты... Гнусная планета, хотя сверху выглядит симпатично. Неудивительно, что древние марсиане ее покинули.

– «Азеф» дал понять, что сворачивает добычу урана?

– Похоже на то... Иначе зачем бы ты торчал в старой шахте?

Геолог заметил, что один из автоматов запутался лапой в клубке волноводов, и в досаде набрал на мягкой клавиатуре, наклеенной на манжету скафандра, блокирующий сигнал. Вся эта рухлядь, что веками скапливалась на спутнике, недостойна даже перевода на санитар-ную орбиту. Куда проще оставить ее на месте.

Наверху расплылось неровное световое пятно – Фобос вышел под Солнце, подставив ему изъеденный кратерами бок. Плавленные до матовой гладкости, местами пробитые стяжками стены шахты тускло блеснули, ловя далекие солнечные блики.

Тут подала сигнал пиролитическая насадка, которую пришлось нацепить под скафандр вместо обычных трусов, и Клима окутало облако серого порошка. Материальный итог его двух-суточной жизни вне станции рассеялся по дну шахты, чтобы медленно прилепиться к камню и стать неотличимым от космической пыли.

15-й день сезона Дзинчже, Фобос

Только восемнадцатого марта авральные выходы в космос наконец прекратились. Аппа-рат дробления и магнитной сепарации руды усердно поглощал энергию, перекидывал отходы в пушку, а диоксид урана – под пресс. Мелкие роботы-курьеры таскали таблетки топлива на склад базы, а пневматическая пушка бесшумно выплевывала отходы производства в сто-рону Марса – одним словом, процесс стабилизировался. Сетка Хартмана замерла, едва шевеля крайними усиками изолиний.

То есть выдалось время для того, чтобы заняться показаниями «секретного» датчика.

От обилия информации, накопившейся за время авральных работ, у Клима случился короткий ступор. Но он сумел отфильтровать все лишнее – известные породы, геоформы, син-клинали и прочий неинтересный хлам. Прокатившаяся по региону встряска серьезно перепу-тала все прежние наработки Клима, многое пришлось идентифицировать заново. Но к утру двадцатого марта он и экспертная программа справились. На обширной объемной схеме клочка Фобоса осталось три странных предмета, не похожих ни на что естественное.

«Неужели я что-то нашел?» – в волнении подумал Клим и вскочил с кресла перед тер-миналом, отцепив зажим. Комната поплыла и закрутилась вокруг него. По марсианскому вре-мени была уже поздняя ночь, но спать не хотелось. «Сюда бы старика Ляо», – вспомнился ему антиквар в черном, знаток древних аппаратов.

Как ни силился геолог рассмотреть в деталях то, что в беспорядке, разрозненной куч-кой валялось в обнажившейся трещине на дне борозды, ничего не вышло. Слишком низка была разрешающая способность датчиков. Без выхода в космос, видимо, никак не обойтись. Поэтому Клим уведомил менеджера о неполадках в датчике (после «фобосотрясения» с ними могло случиться всякое) и снарядился для работы на поверхности.

Марс багрово пылал полумесяцем, словно притягивая Клима. Выхлоп электротермиче-ского двигателя, отразившись от стального люка, рассеялся по искусственным конструкциям базы и заодно придал геологу нужный импульс в сторону фермы с солнечной батареей. Крас-

новатыми бликами поплыло вниз пыльное дно Стикни, за сотни лет «истоптанное» роботами и прочими механизмами. Клим взлетел над кратером и очутился под косыми лучами Солнца. Все здесь выглядело не так, как в его прошлый визит – далекий разрыв в теле спутника отзвуком прокатился по всей его поверхности. Некоторые из вековых валунов сорвались с мест и теперь прибились к новым лежищам, легко примяв древние реголитовые завалы. В первые часы после подвижек коры тут стояла плотная взвесь камней и пыли, плывя вместе с Фобосом через вакуум.

Ведомый картой, что транслировалась ему на экран шлема, Клим подлетел к черной расщелине рядом с ворохом свежих обломков, как раз посреди широкой вмятины от подвинутого камня. Сейчас тот приткнулся в паре метров западнее.

Геолог посветил в щель и увидел в метре под поверхностью что-то тускло-блестящее и округлое. Но расщелина была слишком узкой, чтобы можно было сунуть в нее руку, к тому же упакованную в толстый демроновый рукав. «Вот святые боги, – в досаде подумал Клим. – Не взрывать же тут все! Еще Фобос развалится». Но все же он быстро догадался, как выйти из затруднения, тем более и датчик все равно следовало поменять. Вывинтив заглушку из трубы, он ухватил антенну и вынул прибор. Эта-то антенна, согнутая крючком, и могла ему помочь.

Орудовать ей следовало с осторожностью, чтобы не утратить невзначай драгоценные находки – те могли упорхнуть в космос.

Спустя минут десять три поцарапанных и мелких, не больше ладони величиной детали, похожих на те, что встречались Климу в каталоге Музея, оказались в его владении. Одновременно, как будто озаряя находки, из-за края борозды вырвался сноп солнечного света. Фобос продолжал стремительное вращение вокруг Марса, и реголитовые завалы засияли.

Естественно, Клим не собирался трубить о находке. Лучше вообще забыть о ней до возвращения на планету. Фобос как-никак был арендован не им, а «Недрами» – изымут артефакты, и с концами. А так, судя по туманным намекам старика Ляо, за них можно выручить немалые деньги, если ухитриться найти покупателя с Земли.

8-й день сезона Чуньфень, Фобос

Вечером, после рутинной возни с сеткой Хартмана и программы новостей (в бассейне Хелласа опять разбился почтовый ровер) Клим двинул в гостиную, и тут из-за люка технического модуля его окликнул Чжанг.

– Хан! Помоги с жестянкой справиться.

– А роботы?

– Эти пеньтани с алмазными мозгами? Они ключ-то подать не сумеют, чтобы мне палец не отшибить. Уж я знаю, поверь.

Клим вплыл в технический блок с изрядной опаской. Он предпочитал находиться подальше от систем жизнеобеспечения, пока они исправно обеспечивали его жизнь. Чжанг разобрал мусоросжигающую установку, и рядом с ней в недоумении застыл робот-уборщик. Он потерянно тискал пустую упаковку из-под белкового творога.

– У печки термометр накрылся, – пояснил Чжанг. Возле робота на магнитной подложке висела крупная начинка сжигателя – винтовой шнек, узел эмульгации, какая-то коническая штука и еще десяток незнакомых геологу мелких деталей. – Вот, заодно решил смазать.

– Я-то тебе зачем?

– Ты же здорово в разных приборах разбираешься. Вот, датчик показывает, что в измельчителе трещина, а я ее не вижу. Может, это датчик накрылся?

Он отодрал от подложки стальной конус и сунул его Климу. Тот извлек из паза в конусе пластинку датчика и поглядел ее на просвет, отыскивая глазок индикатора питания. Датчик был простейший, всего с одним чипом.

– Можешь выкидывать и ставить новый, контакт связи с питающей цепью испарился, – заявил он. – Одноразовый хлам, только в сжигателе ему и место.

– Вот! Я и думаю – кто лучше Клима в таких вещах разбирается... Не ошибся, как видишь. Я вот еще что хотел спросить... Как ты думаешь дальше? В смысле, чем заняться?

– На Марсе, что ли? Об этом пусть у директора «Азефа» голова болит.

– А если добычу не прикроют? – Роман, как мало тертый в трудовых передрыгах сотрудник, был явно обеспокоен подвижками в коре Фобоса. Все-таки ему хотелось определенной безопасности. И в то же время он не желал потерять приличные деньги, что выплачивал холдинг за риск. – Ты-то как думаешь? Стоит еще сюда прилетать?

Но Клим не смог внятно ответить парню. За последние спокойные дни он уже пару раз поймал себя на мысли – непрерывно торчать на планете, ежедневно возвращаясь в клетку с Кристиной, будет слишком непросто. Не добившись от коллеги вразумительного совета, Роман принялся жаловаться:

– Скорей бы уж смена закончилась, а то... Канетти еще приказал периметр базы проверить, утечка энергии у нас!

– Как утечка? Почему он знал об этом, а ты нет?

– Да я еще две вахты назад об этом докладывал! – обиделся ремонтник. – Только где она, непонятно. Ясно только, что между батареей и станцией. Ну, мы и улетели, не стали ее искать, все равно потери-то были совсем незаметные.

– А сейчас?

– Полпроцента. После аварии что-то еще случилось, или это старая неисправность... Помогите, Клим, а? Всего двое суток до новой смены, а мне десять километров кабелей проверять. Работа простая, но за нее денег дадут – она же не по твоему профилю, в добавку пойдет.

– По-моему, это как раз то, что называется «сеять бактерии через шлем».

– Напрасно ты так думаешь! Плюс на Марсе будет... Может, нам в «Азефе» хорошее место предложат, если добычу прикроют. Недаром же говорится, что старый робот дорогу домой всегда найдет.

Расчет у Чжанга был прозрачный. Но какой смысл восстанавливать электрические цепи, если базу и в самом деле могут аннулировать? Впрочем, Клим не верил в то, что «Недра» так легко отдадут субсидии правительства в чужие руки. Так что при всей противоречивости Чжангова замысла в нем содержался весомый профит для его будущей карьеры. Почему бы не помочь, к тому же за дополнительную плату?

9-й день сезона Чуньфень, Фобос

Перед самым выходом в космос Клим и Чжанг заглянули в стационарный Храм Девяти – Чжанг настоял. Как истовый конфуцианец, он нередко посещал это святое место, единственное подобное сооружение на Фобосе. Под Храм была выделена обыкновенная каюта. Возле ее дальней стены первые обитатели станции соорудили из контейнера алтарь, на который возложили круглую дверцу от технического шлюза – «фокус небесного свода». Пока Клим раскопечгаривал плазменную печку, облицованную зелеными керамическими плитками, Чжанг преклонил колена перед алтарем.

– Готово? – спросил он через пять минут. Клим приоткрыл вентиль подачи кислорода, и плазма в печи загудела. – Загружай, да пойдём.

Геолог высыпал на прокаленную лопатку споры стафилококка и ловко погрузил их в пламя. Споры вспыхнули с тихим треском, рассыпав по чреву печи ворох искр. Уже через несколько секунд от жертвенного подношения не осталось и следа. Можно было смело приниматься за дело: духи неба приняли дар.

Для ускорения работ нужно было действовать отдельно, и Роман выделил геологу собственную солнечную батарею. Сам он на ремонтной платформе поплыл вдоль силовых кабе-

лей, ловя чувствительной аппаратурой электромагнитные аномалии. Клим за четверть часа на другой платформе достиг фермы с панелями солнечных батарей. Соорудили эту конструкцию надежно – тряска Фобоса не смогла выдернуть три ее ноги из грунта. Солнце пока не навалилось на нее, и работать пришлось в инфракрасном диапазоне.

Робот-матка, спаренный с платформой, разослал десятки мелких механизмов на один из лепестков батареи. Эти примитивные роботы должны были магнитными импульсами рассеять алмазную и обычную пыль, скопившуюся на панелях, а заодно наложить ингановые заплатки на дырки от микрометеоритов. Клим же собирался охватить батарею целостным взглядом, не зашоренным программами, а заодно проследить за работой ремонтной платформы.

Вообще, когда-то он выполнил лабораторную по университетскому курсу астробиологии. Климу пришлось изучить состав мусора, оседающего на ингановых панелях. К радости профессора, юный Клим нашел в нем не только редкие алмазно-силикатные пылинки, но и углеводные гранулы. И даже несколько незнакомых ему микроорганизмов типа грибков, совершенно сухих и обмороженных. Грибки удалось вернуть к жизни, но искать их в каталоге марсианских бактерий Клим поленился, да и профессор отсоветовал. Так будущий геолог лично подтвердил теорию космического происхождения жизни.

Пока лишь блески выхлопов от методичных роботов да звезды за окружностью черного Марса расцвечивали пейзаж. В ушах геолога негромко звучала старая песенка, посвященная всем, «кто сейчас вынужден торчать в ровере над песками Марса, пробиваясь сквозь пыльного дьявола».

Сами собой пришли первые за вахту мысли о доме – Кристине, Венере и Куй Вине. Все-таки у него не самая неудачная семья на Марсе: неплохие и здоровые дети, психически нормальная жена... На момент знакомства с Климом она работала ассистентом микробиолога в частной клинике хутуна Кассини. С ней у «Азефа» был заключен контракт на страховое обслуживание сотрудников. По тогдашней моде Кристина носила плащ, пошитый из миниатюрных фотодетекторов и светоизлучателей. Фотодетекторы непрерывно снимали картинку и передавали информацию световым излучателям на противоположной стороне, в результате Клим видел не ее тело, а то, что за ним – стол с шеренгами тестовых пробирок и гроб мультитомографа. На лицо она также нанесла несколько полосок излучателей, и в таком виде показалась геологу восставшей из легенды марсианкой. Почему, неизвестно – ведь подобные наряды и кожные раскраски тогда встречались в каждом тоннеле. Но вот Кристина каким-то необычным поворотом ушей, татуировкой на ногтях или спектром радужки (а может, палмом в форме глазастой крысы) поразила его.

Клим тогда был совсем плох. После смерти матери его одолело маниакальное недоверие к газовым колонкам. В обществе людей ему удавалось бороться с собой, да и дома он какое-то время сдерживался, но месяц назад не выдержал и вскрыл колонку в квартире. Причем не просто вскрыл, что не привело бы к проблемам со здоровьем, но и вынул из нее мембраны, не чищенные десятилетиями. Это были цилиндрические картриджи – катушки с намотанным на них полимерным волокном. Вообще-то они должны были обогащать воздух кислородом, всасывая углекислый и прочие вредные газы. Наверное, эта колонка так и поступала, пока Клим не поковырялся в ней. Не найдя видимых повреждений, он заново собрал устройство, но на беду подключился не к той трубе (немудрено было их перепутать, как объяснил он сочувствующей Кристине после вынесения диагноза). В итоге бактерии из первичной грунтовой воды окольным путем получили доступ в квартиру. А ведь суровые надписи на колонках и водных подсистемах предупреждают всякого о недопустимости «саморемонта»...

– В грунте Марса живут сотни разновидностей грибков! – поразила ассистент микробиолога, когда изучила образцы кожной сыпи, няо и прочие выделения пациента. – Они только и ждут момента, как бы отогреться и сожрать первую же доступную молекулу органики. А у вас

к тому же наметилась проблема с личными бактериями, уважаемый... В нормальном кишечнике должно жить не меньше тысячи видов микроорганизмов, и пятьсот во рту. Они живут там не просто так, а приносят пользу. Например, не дают плодиться вредным вирусам. А ваши? Они не только истощились количественно, но и деградировали! Нет, без терапии тут никак не обойтись. Нам придется серьезно поработать.

Разумеется, Клим знал, что вода подвергается тщательной очистке, прежде чем угодить в желудок потребителя. За миллиарды лет прерывистой эволюции в подземных озерах Марса вывелись такие живучие и прожорливые микроорганизмы, что выпускать их из ледяного плена самоубийственно. Они и по сей час успешно живут за счет радиации в древних водных резервуарах, насыщенных водородом, серой и нестабильными изотопами.

– У меня мать задохнулась, – пожаловался Клим.

– Господин Хан, вам требуется психотерапевтическая помощь, – ласково заметила молодая женщина. – Но для начала окажем безотлагательное врачебное воздействие.

«И то верно», – подумал геолог. В последние два дня скрытно действовавшие бактерии сполна проявили себя, выступив на теле целыми колониями. Это становилось уже неудобно – мода на культивирование микроорганизмов на коже почти прошла. К тому же эти не слишком-то походили на безвредный косметологический грибок.

– Как я могу к вам обращаться, гражданка? – спросил он.

– Зовите меня Кристиной.

Она навела на пациента раструб тепловизора, и тот принялся сканировать тело Клим, выявляя патогенные участки. Терминал сбоку от женщины тревожно озарился красным сразу в нескольких точках, и на чистый лоб Кристины набежала морщинка. Ассистент микробиолога неодобрительно уставилась на Клим.

– Вам еще повезло, господин Хан, что у вас искусственные печень, поджелудочная железа и одна из почек. – Она отдала команду своему роботу, и тот провел по бедру Клим ежиком микроиглоком, делая инъекцию глюкагона, чтобы поддержать аппаратуру внутри тела. – Эта вредная культура успела пустить внутри вас корни и поразить вторую почку, даже зацепить желудочек сердца. Кроме того, налицо острая форма миелита и обширные поражения кожи. Согласны на операцию?

– Частичную... Почку и поврежденный кусок сердца. И миелит с кожей...

Клим не хотел признаваться, что виртуальные похороны матери и сбор информации по всем базам для оформления надгробия съели огромную часть не только ее страховки, но и средств самого геолога. Можно было, конечно, привлечь для финансирования погребения отца, но старик почти обезумел и твердил: «А мне памятник кто поставит? Не дам!»

– Многие почему-то забывают, что вокруг нас живет множество духов, – проговорила Кристина, заполняя медицинскую форму для операции. – И добрых, и злых. Вам бы стоило поискать их расположения в Храмах, уважаемый.

– Трудно задобрить все тридцать шесть тысяч духов, от которых зависит здоровье...

– А вы приносите им массовые жертвы. Например, посвятите каждый вирус в пищевой культуре одному из духов и принесите ее в Храм, чтобы сжечь. Любому духу будет приятно, что ему пожертвовали целый микроорганизм. Поверьте, эти нематериальные сущности крайне неприспособлены, им требуется совсем немного. Это я вам как врач говорю. – Она дружелюбно улыбнулась. – Одна ложка пищи, и гармония с тонким миром достигнута.

«Как я сам не догадался?» – подумал пациент.

Юаней на полное лечение у Клим не хватало, и он действовал постепенно. Ему помогло и то, что он стал встречаться с Кристиной в тоннелях хороших хутонов, а спустя десять дней заключил с ней брачный контракт (предыдущий, с коллегой по «Недрам», он прервал за месяц до этого) – для близких родственников в клинике полагались заметные скидки. Очевидно, Кристина сэкономила Климу немалые деньги.

Она переехала к нему с обоими детьми от первых двух браков. Для этого ей достаточно было пересечь шлюз между Скиапарелли (хутоном ее второго мужа) и Гюйгенсом. Кстати, Скиапарелли слыл чуть ли не самым грязным хутоном Офира, так что она даже выиграла от брака. Так они и помогли друг другу, первые годы совместной жизни даже находя в браке удовольствие. Но Клим всегда знал, что если Кристине подвернется удачная партия в более престижном хутуне, она непременно за нее ухватится. Видимо, варианты ей попадались так себе, вот она и стала раздражительной...

Даже праздник весны, проведенный Климом с семьей, не сумел погасить разлад. А ведь в чуныце поучаствовал даже старый Хан. Они лепили пельмешки из трихoderмов, бегали по виртуальным лабиринтам, дружно меняли сознание, покупали в Сети подарки, запускали в тоннелях ракеты... Но признаки единства оказались в итоге фальшивкой.

Клим как-то не думал о подборе новой жены, не посещал нужные бары и Храмы. Ему даже казалось, что он никак не может попасть в бурный ритм марсианской жизни и оттого смешон. То он покупал уцененный вязаный палм, какие не носили с прошлого месяца, то алые сапоги-скороходы. Или вдруг начинал рассуждать о породах камней, когда все смаковали героизм персонажа во вчерашнем фильме. Неудивительно, что коллеги женского пола избегали близкого общения с ним. Особенно после того, как бывшая жена принялась фыркать всякий раз при упоминании имени Климa (это не запрещалось условиями соглашения при разводе). Все чаще Клим слышал от Кристины короткое, но емкое обвинение: «Неудачник». Но он старался не слушать ее – какие могут быть ярлыки, когда тебе всего тридцать восемь лет? Расширяй кругозор, не отказывайся от нового опыта, доверяй шестому (седьмому и так далее) чувству и всегда верь в свою удачу... Когда-нибудь эта формула обязательно сработает, если ты везунчик. Впереди еще три четверти жизни, за это время можно успеть создать компанию и разориться, основать секту и получить персональное проклятие от ЕЦСС, слетать на Землю и подхватить ретро-вирус, родить наконец собственного ребенка и позволить ему отселиться... И все-таки порой Климу мерещилось, что вся эта прорва возможностей так и будет плыть мимо него, пока он годами батрачит на «Азеф».

Потому-то находки в реголитовых завалах Фобоса так и лежали потаенным грузом в его каюте и на Марсе, надежно укрытые среди безобидных предметов, что он боялся спугнуть призраком удачи неловким движением.

Клим заметил приближение бортовых огней Чжанговой платформы и только тут понял, что Солнце уже взошло над Марсом и вовсю озаряет сонм трудолюбивых роботов-чистильщиков. Они методично обшаривали каждый квадратный метр панелей, сдувая пыль и порой принося к покрытию с ингановыми распылителями.

– Успеваем до вечера? – спросил Роман. – А то нынче концерт передавать будут...

– Ты же на днях какой-то смотрел.

– Это уже другой. «Дранный ровер», слышал о такой команде?

Платформа с Чжангом медленно вылетела из тени. От нее до основания фермы с батареей оставалось метров шестьсот.

Тут Роман отвлекся на показания своих приборов, да и роботы засуетились вокруг какой-то аномалии в грунте, словно грибки в капле особо питательного раствора. Чжанг присоединился к компании механизмов, отыскавших энергетическую течь в кабелях. В этом месте кабели пересекали небольшую расселину, сейчас заваленную довольно крупным валуном. Судя по всему, волноводы после подвижек Фобоса погрузились в эту щель, и какой-то из них, вероятно, потерял часть оболочки.

Чжанг принялся насвистывать Климу популярный мотивчик из «Дранных роверов», но закончить даже первую музыкальную (если ее можно было так назвать) фразу ему не удалось. Когда роботы дружно столкнули камень с расселины и Роман сунулся в нее чуть ли не целиком (широкая оказалась), Клим услышал отрывистый треск и мимолетное шипение.

Чжанг захрипел и попытался что-то сказать, но издал лишь булькающий вздох. Окружающие его роботы подняли настоящий электромагнитный шторм, но геологу уже и так на полной мощности двигателя мчался вниз.

– Чжанг, Будда тебя забирай! – крикнул он. – База! База, срочно готовьте медицинский блок, у нас пострадавший!

Через три минуты сумасшедшего полета над острыми теньями и ослепляющими пятнами пыли он достиг платформы Чжанга и нырнул под нее. Ноги Романа покачивались будто метроном, и Клим ухватился за них, вытягивая техника наружу. Пришлось перейти на голосовое управление двигателем.

Аккуратно, чтобы не выпустить тело, он развернул его головой вверх и к лицу к Солнцу. Челюсть Чжанга была сведена судорогой, а глаза плотно закрыты. Если он и не был мертв, то полностью утратил сознание. Обе руки его тщетно прижимались к левому виску. Сквозь поляризованное стекло шлема невозможно было толком разглядеть цвет кожи, но Клим и так знал, что она желто-красная. Вакуум! Что еще может поразить здорового человека в открытом космосе? Химические датчики на Климе уже давно активно выдавали информацию, но он глянул на нее мельком и уже на пути к станции – из-под реголитовой плиты, потревоженной роботами Чжанга, вырывалась мощная струя тетрафторида урана. Очевидно, в базальтовой полости создано огромное давление газа. Чжангу не повезло: микровзрывом наружу выбросило облако крошечных осколков, и один из них смог прошить все три слоя демрона.

– Блок готов, – спокойно отозвался Ноэль. Как обычно, именно он дежурил в диспетчерской, пока Канетти инспектировал дальние шахты. – Что-то особенное нужно?

– Дозу ЭДТА. – Старый добрый препарат успешно снижал содержание кальция в крови, и она легче бежала по сосудам, поставляя кислород во все клетки – пока они и сам мозг еще холодны. А Клим не сомневался, что тело Романа быстро охлаждается. – И регенератор крови, конечно.

– Вакуум?

– Что же еще?

– А кричал так, словно человеку голову оторвало...

Клим сдержался и не высказал что-нибудь созвучное фразе Габо. Оказаться в одиночестве без воздуха, при температуре космоса – не было в этом ничего хорошего. Когда еще роботы доволокли бы человека до станции? Через десять секунд после пробоя скафандра Чжанг потерял сознание, затем кровь у него вскипела и остановилась бы вместе с сердцем, если бы у Романа не работал в груди искусственный орган. (Все, кому приходилось выходить в космос, предпочитали заменять сердце на электрическое, иначе страховые взносы подскакивали раза в два.) Когда организм у техника остынет, без ЭДТА и электростимуляции запустить мозг не выйдет. Только бы микроосколок не повредил сосуды внутри черепа...

Ноэль встретил Клима в техническом отсеке, и сразу поволок Романа в медицинский блок базы, пока геолог стягивал скафандр. Когда Клим прибыл в белый, полный диагностических щупов блок с саркофагом регенерации, в котором лежало голое тело Романа, Ноэль уже закончил загрузку нужных препаратов.

– Полюбуйся, – сказал он и протянул геологу пробитый шлем. В нем отчетливо было видно оплавленное отверстие, как будто раскаленная игла прошила сверхпрочный пластик. – Осколок застрял у него в переносице, опасности не представляет...

– Не понял. Так он сбоку вошел, что ли?

– Еще пару сантиметров в сторону, и угодил бы прямиком в мозг, пришлось бы череп бедняге вскрывать. А так только сетчатка глаза разрушилась.

Автомат тем временем приступил к обновлению крови и химиотерапии (заодно накачивая пострадавшего Т-клетками для снижения иммунитета). Через пару минут Чжанг шевельнулся, взнузданный импульсом тока. Мышцы на груди принудительно зашевелились, нагнетая

в легкие воздух. Здоровый глаз Романа открылся, поврежденный же, заблокированный автоматом, так и остался белым пятном геля.

– Что-то с левым глазом? – хрипло спросил Чжанг.

– У тебя свой был?

– Ага. Что, совсем стух?

Ноэль сверился с показаниями диагностического щупа, погруженного в глазницу Романа, и пожал плечами.

– Похоже на то. Восстановление займет не меньше месяца. Ты стволовые клетки сдавал, когда прилетел? Поленился. Вот и думай теперь, как лучше.

– И думать нечего. Мне же полагается новый искусственный орган, если свой накроется на службе? Я контракт-то знаю, читал. Вот и ставь новый, получше...

– Тут только одна модель.

Габо вывел проекцию клавиатуры на участок пространства перед лицом Чжанга, чтобы тот мог самолично запрограммировать операцию. Во избежание недоразумений... Принуждать другого следить за медицинским автоматом считалось дурным тоном и неким «детством». Модель «Сокол-9», возникшая из приборного отсека автомата, состояла из миниатюрной видеокамеры, стилизованной под обычный человеческий глаз. Она имплантировалась в глазное яблоко вместе с чипом, формирующим качественный сигнал для мозга. Производитель импланта гарантировал шестьдесят четыре миллиона цветов.

Вообще, модель «Сокол-9» считалась хоть и устаревшей (современные умели самостоятельно менять цвет, ориентируясь на вкус ближайшего человека), но неприхотливой и практически вечной.

– Ладно, Ромка, поправляйся, – пожелал молодому товарищу Клим.

– Эй, спасибо тебе, – улыбнулся тот. – Ты мне кучу времени сэкономил. А ведь не зря мы с тобой в Храм Девяти заглянули, верно? Ты бы тоже хотел такой ответный подарок, признайся! Ничего, в другой раз повезет. Мы с тобой на Марсе на концерт ходим, ладно? У меня карта фана есть, с парной скидкой.

– Конечно.

Клим понял, что дико устал, и отправился в кают-компанию. Сезон Чуньфэнь, начавшийся неделю назад, никогда не нравился ему традиционными ограничениями в еде – из-за угрозы аллергии и прочих неполадок в организме. Канон рекомендовал избегать горячей и холодной пищи одновременно, а заодно укреплять обе функции, Инь и Ян. Ничего лучшего, чем развести питательную среду, богатую полезной химией, и вырастить на ней культуру псевдомонас (до полной споруляции, чтобы остыла), нельзя было придумать.

13-й день сезона Чуньфэнь, поселение Офир

Клим составил протокол ремонта, распотрошив память паука-матки. Теперь у Чжанга было серьезное оправдание, чтобы не заканчивать проверку энергетического канала. К моменту прибытия челнока, во второй половине дня, он был бодр и сверкал новеньким пластиковым глазом.

– Вот повезло так повезло! – довольно улыбался Роман, торча в кают-компании.

– Интересно, челнок пустой или со сменой? – озабоченно хмурился Канетти.

Вряд ли кому-нибудь из вахтовиков всерьез хотелось, чтобы полеты на Фобос прекратились. Помимо хороших денег, это давало им особое ощущение избранности: пока большинство марсиан толчется в переполненных хутунах, они видят мир с высоты спутника. И не только Марс, но и чистое, незамутненное пылевыми смерчами Солнце.

Фобос вроде замер – новая шахта угодила точно в сгусток напряжений, и сетка Хартмана уже вряд ли напугает чиновников в офисе «Недр». Мастерство вахтовиков уберегло Марс от метеорного ливня! Как можно прекращать добычу урана после такого оглушитель-

ного успеха точечного бурения? Очевидно, в правительстве согласились с мнением холдинга, потому что голограмма с кадрами какого-то шоу внезапно смазалась помехами, а вместо нее возникла добродушная физиономия менеджера следующей смены.

– Эй, на Фобосе! Гостей принимаете?

– А то? – отозвался Марсино. – Держись подальше от кают-компания, этот стальной парень из церкви сожрал половину наших вахтовых.

– Вот и славно, – влез в кадр сменщик Чжанга. – Давно мечтал распотрошить его. Надеюсь, канал связи с банком перекрыли?

«Таблетки» ядерного топлива, нужные для тепловыделяющих сборок реакторов на Марсе, уже лежали в грузовом модуле. К диоксиду урана автоматика добавила нужные дозы окислов алюминия и кремния. Так что на планету груз прибдет полностью готовым к употреблению.

Как всегда, Клим слегка волновался от будущей встречи с Марсом. Конечно, он десятки раз работал на орбите и точно знал, что внизу совершенно ничего не изменилось. Но все равно почему-то надеялся на чудеса – как он сядет в вагон монорельса, попрощается на одной из развилок с Ноэлем, живущим в соседнем хутуне, прибдет в квартиру... Однако там и на этот раз окажется суетливая пустота сетевых забав, ужимки Венеры, презрительный сленг Куй Виня и недолгое уважение Кристины. А первый же визит к сумасшедшему родителю напрочь отобьет желание посещать его снова. «Ян-шен, – вспомнил геолог и словно ощутил сквозь плотную ткань дорожной сумки три небольших старинных предмета. – Старик Ляо!» Нет, это возвращение на Марс обязано стать другим. И пусть поначалу оно ничем не будет отличаться от прежних, но Климу очевидно – оно станет началом великих перемен.

Сила тяжести возвращалась в челнок постепенно, по мере его плавного входа в атмосферу. Пилот топливо не сэкономил и уложился в один виток вокруг планеты. Долина Марионера, изрезанная пропастями, раскинулась под челноком в последнем приближении. Затем каньон Копратес рассыпался вокселями на периферии обзорных мониторов, уступая место уютному провалу стартового комплекса. Вздыхая тучи пыли, челнок вошел в него под острым углом и приклеился к посадочной полосе.

Подстегнутые химией, мышцы рвались опробовать себя в поле тяжести, и спустя несколько минут после приземления пилот гостеприимно распахнул шлюз. Вокруг челнока уже крутились диагносты, ожидая команды своего главного робота. Чжанг вышел последним, как-то неуверенно трогая перчаткой скафандра шлем.

– Отличный глаз, парни, этот «Сокол-9», – поделился он переживанием. – Разрешение раз в десять лучше, чем у моего старого.

– Вот и носи до пенсии. А то и второй поставь.

– Вот заработаю и сразу воткну. Или этот замену на самую лучшую модель. Тогда головизор можно прямо к башке подключать, через кабель. Ух, какая будет полифония! Клим, так ты мне позвони насчет билета, ага? И в гости приходи, я в Коккони живу. Только сперва позвони, конечно. Мамаша моя тебе рада будет, я уже поведал ей, как ты меня пол-Фобоса на себе волок. Она и сказала – пусть приходит, по всему хороший человек твой Клим Хан.

– Коккони где-то на окраине, кажется? Ладно, если не забуду.

Еще около часа пришлось избавляться от орбитальных бактерий, наверняка приклеившихся к вахтовикам, несмотря на все защитные меры. Министерство бионики строго охраняло биосферу Марса от мелких пришельцев из космоса, полагая, что эти живучие грибки вытеснят полезные микроорганизмы, обитающих в хутунах. Как будто не догадываясь, что производители коммерческих бактерий веками практикуют направленные (зачастую опасные) мутации среди грибков, постоянно смещая равновесие микросреды туда или обратно.

– Опять затычки таскать, – поморщился Чжанг.

– А мне нравится, – признался Клим и аккуратно поместил в ноздри любимый штамм.

– Помнишь, о чем мы договорились? – грозно поинтересовался Ноэль.

– Нет, а что?

– Ты же хотел помочь мне с расчетом ударного воздействия на Фобос!

– Так уж и хотел... Ладно, подумая на досуге, – отмахнулся Клим.

Домой он прибыл к шести часам вечера, как обычно. На этот раз он, правда, какое-то время постоял рядом с инвалидом Ванадием, слушая его игру на электроксилофоне. Оказывается, даже по таким гнусным звукам можно стосковаться.

– Живой! – пробурчала Кристина, холодно проведя губами по его щеке.

Венера приветила отчима гораздо мягче, демонстративно повиснув на нем, Куй Винь же сварливо вскричал:

– Нинь хао! Постреляем от пуза? Сеть ждет нас, пыльные демоны! Йопт.

– Дайте пожевать чего-нибудь, – сказал геолог.

– Там, – махнула жена. – Куйка, бросай свою хушо бадао, сейчас реклама тур-операторов будет... Ты там чуть не загнулся, говорят? У нас учебная тревога была, всех на нижний уровень гоняли, будто крыс каких. Ты, что ли, бомбу не туда заложил? Смерти нашей хочешь?

– Тряхнуло слегка...

Он набросал в миску холодных грибков вперемешку с белковой массой, присыпал все это перцовым порошком и вернулся к семье. Посреди комнаты вертелись кадры столичной чиновничьей жизни – президент призывал ограничивать потребление импортных товаров, сетуя на отрицательный платежный баланс Марса. «Дома», – вздохнул Клим и расслабился в кресле.

Политика сменилась красочным роликом турфирмы, и по комнате разнесся аромат «морской» соли и фруктовой каши. Из центра голограммы в зрителей ринулись сонмы падучих плодов (они сыпались с пышных пальмовых ветвей), а в углах комнаты угнездился прибор. Из него выскочили темно-желтые и черные люди в узких трусах или совсем без них (красотки как на подбор), затем какие-то яркие рыбообразные объекты.

– Где еще вы увидите и почувствуете на собственной коже настоящую соленую воду, теплую и синюю до полной прозрачности? – В согласии с коварным вопросом комментаторши Клима окатило виртуальной волной.

Оглушительная синева повсюду на Земле поражала зрительные нервы до самого последнего аксона. Но если бы только она! Зеленый, красный, желтый и все их возможные смеси выглядели как настоящая подделка и порождение компьютерного безумия.

– Красиво... – хором прошелестели Венера с матерью.

– Даешь снега Папуа! – возразил Куй Винь. Он брезгливо отмахивался от бесплотных рыб, но они плохо слушались его, проскальзывая между пальцами. – Прочь, бэйбиди! По мне так в сибирских пустынях ухватистей. Песчаный медведь, йопт. Табень в глаз! Шкура на постели! Шаоняни в нее шмыг, гунмынь нараспашку. Эй, Венька, в шкуре дашь вихотку коцнуть? Волосатые хари, йопт, полиняем как уши недорезанные. Дреды приладим на макушку, медвежатица в корне.

– Иди до пипениса, кэбиди хойка. Лопатки сверни, мозоль ты гнойная в гунмыне, ага. В кулачок тыкалку суй, липучка супонный. Микробу задвинь, пиньфади! Сяобенить только умеешь.

– Языки урезали, грибки позорные! – обозлилась Кристина. – Не мелькайте граблями, а то вырву.

Они вяло перекидывались фразами, пока Клим мирно смаковал пищу. Однако долго побыть наедине с собой ему не дали – жена загрузилась рекламой по макушку и приступила к нему с ментальным буром.

– Я уже десять лет не была на Земле, Клим! А дети вообще ни разу.

– Да, Климуша, купи нам билетки, ага?

– Йопт! Роверы обрыдли, лоханки ржавые. На Олимп и то не слетать, а вы – Земля!

– Сколько можно тухнуть в этих катакомбах? У нас на работе сотрудницы чуть не каждый год с мужьями там отдыхают.

– Мне нужна срочная терапия, – поделилась Венера. – Иголочками уколоться, правда. Там как придавит, на Земле-то. И ножки подкосятся. А на лайнере дорого!

– Ножки! Кривоссачка, йопт. Знак вопроса кверху жупелом.

– Пипетка гноёвый. Гунмынь драный.

– Фаллопий-то надую, хо.

– Тычок себе надуй всячный, геенка дырявый. Гаовань обкоцанный.

– Чего молчишь?

– Билеты стоят очень дорого, – терпеливо пояснил Клим. – Столько же, сколько вся оплата моей месячной вахты на Фобосе, да и то лишь во время Великого противостояния, а оно случится только через три года. Охота вам лететь сто один миллион километров против пятидесяти шести? Почти в два раза дольше...

– На лайнере весело!

– ...А во время ВП билетов всем не хватает, правительство для своих чиновников резервирует...

– Вот и закажи сейчас, шагу! Рекламу не видел, что ли?

Семейство взвыло словно фреза в тысячу оборотов, наткнувшись на нихромовый штырь. Клим был вынужден изолироваться от звуков и зрительных сигналов, подключившись к Сети. Но последний вопль Кристины все-таки достиг его: «Так-то ты с семьей после месячного отсутствия общаешься!» Никаких угрызений совести эти слова у геолога не вызвали, и он напрочь отгородился от комнаты. Конечно, он опасался, что кто-нибудь попросту выдернет кабель из разъема его палма, но этого не случилось. Оно и понятно – сегодня состоялась только первая, пробная атака на Клим. Завтра будет еще одна, и так до тех пор, пока он не перетряхнет все свои «секретные» счета (а в их существовании Кристина не сомневалась) и не купит-таки билеты на круизный лайнер до Земли. Ведь через два месяца начинается сезон отпусков!

Клим нашел в себе силы только поучаствовать в коллективном шутере, на самом простом уровне (среди полных профанов), но и там его убили несколько раз, прежде чем он сообразил, что сегодня не его день. Он пролистал десяток каналов головизора, ничего интересного не нашел и вернулся в реальность.

Куй Виня не было – очевидно, болтался в тоннелях с друзьями. А Венера с матерью, кажется, бились в марсианской пыли: их тела синхронно подергивались, а в глотках клокотало рычание. Геолог спокойно съел бургер с протоплазмой и ушел в спальню, к генератору альфаритмов. Этот неудачный день решительно нуждался в том, чтобы с ним покончили...

Кристина все-таки выдернула его из первой фазы сна, не дав толком отключиться.

– Не уходи так просто! – возмутилась она. – Между прочим, я целый месяц тебя ждала.

Она хищно надвинула ему на голову мягкий ночной шлем.

Фантазия жены размножила ее на три копии. Одна была пухлой и низкорослой (не больше метра высотой) брюнеткой, другая очень высокой и мужественной, с колоссальной грудью блондинкой... И сама как таковая – средних пропорций женщина, заметно омоложенная по сравнению с оригиналом. Впрочем, Кристина и в реале следила за внешностью, время от времени сбрасывая старую кожу и наращивая новую. Все три чернокожих виртуальных подруги томно повизгивали в интерьере из песка, травы и гладких камней. Клим же обнаружил себя густо-мохнатым монстром, в недоумении ощупал физиономию и понял, что к тому же непомерно зубаст.

– Приди к нам, герой! – хором воскликнули сладострастницы, и программа швырнула Клим в объятия мощной девы-блондинки. Жадный рот любовника распахнулся на невиданную ширину, поглощая чуть ли не всю левую грудь девы, весьма немалую. Сосок со сливу раз-

мером запульсировал где-то в горле, затем перекатился на коренные зубы и брызнул терпким соком любви.

Толстушка тем временем не тушевалась и стянула с виртуального Клим обрывок первобытной шкурки, закрывавший ему чресла. Пенис-шланг (даже не видя его, он ощутил его чудовищный размер) тяжело вывалился в ее необъятный рот. Дева втянула его целиком, погружая куда-то в пищевод.

Третья подруга (эстетическая часть сознания Кристины) подбадривала прочих участников действия эротическими стонами и чувствительными касаниями, вплоть до укусов и пинков по эрогенным участкам. Но долго она не продержалась, столкнула толстуху на задворки процесса и подставила ягодицы под доведенный до кондиции пенис мужа-монстра. Тот уже плохо соображал, что творится вокруг – программа полностью вытеснила осознающую часть его личности, заменив ее секс-механизмом. Он рычал, терзал могучую мазохистку зубами, рвал коротышку руками (не разбирая, где живот, а где прочие части ее рыхлого тела) и буравил образ Кристины до самых глубин ее существа.

Разрядка пришла после длительного безумия, приняв форму подлинной свалки. Все три гражданки ревели в голос, раздирали партнера ногтями и в итоге оторвали ему пенис, поделив его на три части. Разбрызгивая кровь и сперму, они изодрали орган в клочки и чавкая слопали, будто какой-то деликатес. Клим с теплой улыбкой расслабления взирал на это бесчинство, с неохотой выпуская из сознания программу. Пейзаж затуманился, подергиваясь патиной, и принял формы спальни. Кристина все еще подрагивала рядом на смятом постельное белье, и скулила как голодный робокот.

«Надо будет попробовать, когда половая функция восстановится, – решил геолог. – Симпатичная программка». Поскольку блокирующая химия пока не позволяла ему вступить в реальную половую связь, оргазм приключился с ним только в его воображении. В отличие от жены, не скованной химиотерапией.

Клим опять почти заснул, когда Кристина потормошила его и сказала:

– Ну как? Подружка программу дала...

– Здорово, – признался он. – Попробуем еще через пару дней?

– Само собой. Я тут подумала, что можно и тебя размножить, а меня наоборот, сократить до одной копии... – Она мечтательно затуманилась. – Ты вот что, заканчивай с Фобосом, а? Найди себе нормальную работу, на Марсе... И пилюли глотать не придется. Вантоз всегда будет стоять как перископ.

– Ладно.

– Правда, что ли? – вскинулась Кристина.

– Говорю же. Завтра в «Недра» схожу.

Она удовлетворенно откатилась в сторону и потянулась, смакуя остаточные проблески возбуждения. А Клим наконец полностью отдался альфа-ритмам.

– Да что ты к этим нищим «Недрам» приклеился?

Клим мысленно погрузился в банк положительных эмоций, накопленный им за детские и подростковые годы (отчасти и во времена первой молодости, когда он еще только учился своему делу и начинал работать в геологии), и прицепил к нему новейшее сексуальное впечатление. За этим приятным занятием он почти не слушал, как жена прохаживалась острым языком по скупому начальству холдинга.

14-й день сезона Чуньфень, поселение Офир

Следующий день у него по контракту был выходным, но именно его Клим наметил для того, чтобы явиться в офис «Азефа». На носу Ци Ю добавилась свежая татуировка – хвостатая бактерия, а грибковую культуру на голове она успела выжечь, вживив туда пучок модных сиреневых псевдо-волос.

– Клим! – слащаво обрадовалась она. – Что-то стряслось?

Геолог так же радушно приветствовал секретаря и выложил перед ней твердую копию уведомления. Чтобы никаких уж сомнений в его намерениях не возникло, Клим прихлопнул уголки для личных меток пальцами, один лизнул и на последний громко рыкнул, записывая тембр голоса.

– Что это? – испугалась Ци Ю и схватила бумагу. Но ее глазная радужка не входила в перечень допустимых, и документ Клим оставил для нее пустым бланком.

– Для передачи менеджеру по кадрам, госпожа Ци Ю.

– Что это ты так официально? – обиделась толстушка.

И как ей не надоест следовать моде прошлого года, когда ценились пышные бедра и мощная грудь? Наверняка какой-то ретроград не дает ей сбросить лишнюю тяжесть. Ци Ю сердито кивнула на дверь позади себя – служебный ход ко второму заместителю директора:

– А с ним поговорить не хочешь?

– Прибавки просить, что ли?

– А что такого? – шепнула она. – Некоторые ходят, которые много о себе воображают. – Губы ее глухо звякнули колечками, складываясь неодобрительным изгибом, а татуированный нос гневно раздул ноздри. – А ты уж сколько лет работаешь, а ни разу ничего не просил... А работа самая сложная. Сильно трясло? Наши-то долго совещались, что делать.

– Со мной никто не посоветовался, – рассеянно проговорил Клим, Ци Ю же в ответ фыркнула и тут же прижала червленую ладонь ко рту, испугавшись неуместности смешка. – Тут уведомление о намерениях, – снизошел до очевидного пояснения геолог. – Если холдинг не предложит мне работу на Марсе, которая бы меня устроила, я увольняюсь из него.

– В семье наладилось, – всплеснула руками Ци Ю.

– В мозгах у меня наладилось, – возразил геолог.

В холле, под растением, Клим с минуту размышлял, хочет ли он пройти по кабинетам коллег и отвлечь их от работы. И выбрал ближайшую дверь, ведущую обратно в тоннель. Разумеется, тут его подстерегал один из пронырливых роботов ЕЦСС. Сдержав импульсивное движение ноги (хотелось пнуть вымогателя), он быстро преодолел шлюз в соседний хутун. Фламарион, куда он проник, сегодня был малолюден – Церковь не проводила никаких акций с движением людских толп по улицам. В итоге собственная жизнь хутуна расцвела рекламой и суетой роботов-торговцев. Неожиданно накатила шумная стая подростков на «скорородах». У них были какие-то особо быстрые и зверские модели этих роликовых ботинок на простых электромоторах – кажется, с шипами. Клим тоже когда-то пользовался такими (не шипастыми, конечно, а с пружинками).

Игнорируя термокамеры, местная группировка промчалась мимо геолога и пожилой гражданки с паучьей лапой вместо гуманоидной руки, вынудив их отступить к полинялому уличному терминалу. Из-за мусорного бака высунулся робот – сборщик налогов, и содрал со счета женщины юань (она оказалась ближе).

– Нет, пойду-ка я домой, – зло буркнула та, гневно вскинув лапу к невидимым электронным наблюдателям. – Куда смотрит полиция?

Раз уж терминал оказался под боком, Клим ввел в него запрос на поиск 4-й улицы Фламариона. Вскоре он уже опустил прозрачное «забрало» на правый глаз и пошел по зеленой стрелке. Кое-какие назойливые рекламные программы из встречных магазинчиков пытались перехватить управление палмом и утверждали, что именно их заведение – нужный пешеходу дом на 4-й улице. Но Клим не поддавался на призывы и твердо отслеживал вывески.

Так что нужного отростка тоннеля он достиг почти без помех. Разве что пришлось обойти за квартал культовое сооружение ЕЦСС, вокруг которого кишели не только автоматические сборщики пожертвований, но и реальные сектанты с религиозным товаром.

Антикварный магазин Ян-шена под незатейливой вывеской «Милые древности» притулился рядом с ботанической лавкой и компанией по проектированию персональных бактерий. Клим задержался под термокамерой Ляо, демонстрируя добрые намерения, и дверь приветливо отъехала в сторону. Переливы рекламных огней и гулкие слоганы остались за спиной, а вокруг Клина разлилось красноватое сияние нескольких дешевых голографических проекторов. Картинки, впрочем, они выдавали неплохие, хотя и беззвучные – динамические пейзажи Марса с вкраплениями древних лэндеров, Мемориальную станцию Сагана, санитарную орбиту с тучами диковинных аппаратов... Ян-шен даже потрафил приземленному вкусу обывателя (или связался с тур-оператором) и вывел Город пирамид.

– Сама история говорит с вами, друг мой, – мягко прозвучало в ушах Клина. – Прикоснитесь к ней собственными руками и ощутите ее загадочное дыхание, вечно живое благодаря памяти потомков. Пройдите же в мою скромную галерею древностей.

«Нагородил!» – уважительно подумал Клим.

Он погасил взмахом руки голограммы и очутился в обыкновенном магазине, стендами для которого служили древние панели солнечных батарей. Застенчивый свет лазеров выгодно выхватывал плотно уложенные на них детали старинных аппаратов. Сам хозяин присутствовал в форме проекции на левую стену. Но он не мешал погружению посетителя в историю, и Клим решил пока не обращаться к нему напрямую.

– Здесь вы найдете многое, мой любознательный друг... «Маринер-9» и «Марс Одисей», лэндер «Дип Спейс-2» и его зонды-пенетраторы, даже «Глобал Сурвейор»... Неисчислимо множество великолепных устройств, нашедших виртуальное пристанище на моих гостеприимных полках. Прекрасны их компоненты, свидетели неиссякаемой мощи человека.

«Ладно, поглядим, – решил Клим. – Что тут есть и как это называется». В нагрудном кармане у него лежала запечатанная в фольгу деталь (найденная им в последнюю вахту), и геолог намеревался оценить ее, не прибегая к помощи антиквара.

Лавка Ляо имела неплохую программу обслуживания. При взгляде на какой-либо товар тот обретал зримый объем и вливался в полупрозрачную конструкцию «материнского» аппарата. Стенд становился прозрачным, и образ зонда то парил над Марсом в орбитальном танце, то полз по грунту планеты, смешно вращая колесами. При этом звучала величественная «музыка космоса», а образ хозяина лавки кратко описывал назначение детали и биографию аппарата.

– Прекрасный выбор, дорогой друг! – прокомментировал Ян-шен, когда взгляд посетителя выхватил очередной древний обломок. В воздухе поплыл сдвоенный аппарат. – Это «Марс-Экспресс» и спускаемый «Бигл-2» на его борту. От него сохранилось немного. Только радар для зондирования планетной коры, хвостовой обтекатель и «крот» – сборщик образцов по кличке Плутто. Перед вами колесо от «крота». Только представьте себе волнующую картину! – Панель фона стала показывать Климу красочный ролик. – Плутто выползает из «домика», отъезжает от него на несколько метров и целиком зарывается в грунт, спрятавшись за камнем. Обратный путь (с образцом внутри) он должен проделать с помощью кабеля на барабане, который втянет его в «домик». И вдруг! Счастливая поломка аппарата – и Плутто застрял в расселине! Иначе он не остался бы на Марсе в дикие годы бесчинства лаоваев, когда наша планета подверглась культурному разграблению. Сейчас «Крот» находится в Музее истории, а это колесо, потерянное первыми краеведами – на моей витрине. Имеется сертификат подлинности: «Найдено на равнине Изиды (10,6° с.ш., 270° з.д.) 16 мая 2891 года». Не правда ли, великолепный образчик древности? Ему почти тысяча лет!

Клим благодарно моргнул и перевел взгляд на соседний «экспонат». Камеры зафиксировали предмет интереса посетителя, и развернулась другая картинка.

– О! – вступила неутомимая программа-Ян-шен. – Вы знаете, на что стоит взглянуть, уважаемый. 2007-й, заря космической эры! Увы, «Нетлэндер» почти не сохранился... А ведь

он состоял из четырех малых посадочных аппаратов и орбитального комплекса «Премьер»! Какие бы это были отменные образцы для вашей бесценной коллекции древностей! Спектрометры гамма-излучения, нейтронные детекторы, сейсмометры, видеокамеры, посадочные амортизаторы!.. И все-таки у меня есть для вас, дружище, прелестная частица орбитального аппарата – конус для захвата капсулы с образцами. Представляете, как он будет выделяться на вашем рабочем столе, подвигая к творческим свершениям?

– Не представляю, – не вытерпел Клим.

Он никак не мог выбрать среди товара деталь, похожую на ту, что была сейчас с ним. Программный Ян-шен не заметил реплики посетителя, однако реальный хозяин этих сокровищ, конечно, получил сигнал от автоматики (где бы он ни находился) и сейчас наверняка обдумывал, не появиться ли перед гостем в живую.

– А, памятный 2003-й! Отличный был марсоход, с панорамной камерой. Не верится, что уже в те годы он мог напрямую связаться с Землей! Сам аппарат был найден в двадцать третьем веке в кратере Гусев (кстати, когда-то заполненном водой, но она прорвала стену кратера и вытекла), за исключением этого осколка ПЗС-матрицы, который обнаружили веком позже.

Клим уже потерял терпение, безуспешно бегая глазами по рядам антиквариата. Никак не удавалось толком приглядеться – автоматический продавец тут же начинал вещать с нарочитым энтузиазмом.

– Деталь объектива инфракрасной камеры от «Скаута», – заявил виртуальный Ляо. – Не поверите – 2008-й год! Зонд должен был пролететь сквозь атмосферу Марса и вернуться на Землю, собрав образцы пылевых частиц и газа. Но застрял на эллиптической орбите, откуда его и сняли в двадцать втором веке.

– Послушайте, уважаемый, – сказал Клим. – Интересная штука, спору нет. Помните, как вы дали мне свою визитку в Музее истории Марса? Меня заинтересовал этот объектив. И «Справочник», который вы составили.

«Антикварный» антураж магазина развеялся, панели с товаром подернулись непроницаемой силовой пленкой, а физиономия «гида» растворилась в мешанине вокселей. Через несколько минут неприметная дверь в торце помещения отъехала вбок, и на ее пороге возник сам старик Ляо. Трости при нем не было, но выглядел он так же величественно.

– Заходите... – радушно произнес он. – Простите, запомнил ваше имя, уважаемый.

– Клим Хан.

Геолог вошел вслед за хозяином в гостевую комнату магазина. Похоже, именно тут антиквар принимал людей, захотевших что-либо у него купить. Старинная стеклянная мебель в сочетании с растением и аквариумом с робо-рыбками порадовали неизбалованный взгляд Клина. Вдоль одной из стен располагался реальный сейф, явно защищенный от посягательств всеми современными способами. Очевидно, в нем хранились оригиналы товарных единиц (с которых были сняты голографические копии, «висящие» на стендах).

В комнате пахло необычно, каким-то редкостным альдегидом, и Клим с опаской вдохнул поглубже.

– Ага, чувствуете! – почему-то обрадовался антиквар. – Вот мой красавец. – И он любовно погладил ветви приземистого деревца, широко раскинувшего мелкие листки под искусственным окном. – Понюхайте же, не смущайтесь.

– Неужели настоящее? – Клим опасливо склонил голову к ветке и понял, что терпкий дух исходит именно от листьев. – И что это?

– Мирт! – воскликнул старик. – Подлинный мирт, крайне редкое растение. Красавец, не так ли? – Клим с готовностью кивнул, хотя мог бы признаться, что оранжерейные деревья впечатляют его намного больше, в том числе размерами. Но там они находятся под защитой, наконец их нельзя унести, не заимев в нагрузку тучу робомух... И не станешь же торчать у ботаника сутками, вдыхая аромат цветов? – Раз уж вы здесь, помогите мне заменить ему воду.

Ян-шен достал из шкафчика стандартную упаковку с твердой водой, затем расстегнул стилизованный под фарфор горшок. Пока он держал растение за ствол (так, будто одно неловкое движение могло привести к осыпанию листьев), Клим снял истощившийся мешок с вязкой водой и надел на корень свежий. Эта вода была достаточно дорогой штукой. Специальные грибки постепенно разлагали упаковку, и корни получали точно дозированные порции воды, смешанной с микроэлементами, солями и что там еще потребно прихотливым древесным видам. Полимерный загуститель тем временем разлагался на другие полезные вещества.

– А вы долго держались, мой молодой друг, – произнес антиквар и опустился в глубокое кресло. Геолог трепетно занял такое же, буквально ощутив кожей прохладу древнего мягкого пластика.

– Я высматривал что-нибудь похожее на мою находку, – признался он и выдвинул багажное отделение палма, прицепленного к поясу. Геолог с самого начала решил привлечь к экспертизе и возможному сбыту найденных предметов старика Ляо. Однако начал, естественно, с одной не слишком ценной по виду детали.

Это была черная, в редких царапинах жестяная трубка переменного диаметра, размером с палец. С одного конца у нее имелась сорванная резьба, а второй был забран увеличительным стеклом. Под ним видны были и другие линзы, поэтому даже Клим, не специалист в артефактах, был уверен – это деталь древнего оптического устройства.

– Позвольте? – хищно вскинулся антиквар.

– Конечно.

Клим зафиксировал акт передачи предмета камерой палма (он уже давно приклеил к черной трубке персональную метку) – без делегирования прав собственности, разумеется. В бизнесе, даже не слишком легальном, без таких формальностей не обойтись.

– Занятно! – Ляо бегло изучил предмет через прицепленную к его палму камеру. Перед ним развернулась трехмерная проекция артефакта, которую он повертел во все стороны. – Где вы это взяли, не спрашиваю... Выглядит как вещь, которой не меньше семисот лет. Позднее объективы такой или сходной конструкции не изготавливались. Хотите продать или просто оценить, уважаемый?

– Сколько это может стоить?

– От десяти до ста тысяч юаней. Точнее сказать не могу – многое зависит от года изготовления и места находки. Но если удастся установить, какому аппарату принадлежал этот объектив, его стоимость резко возрастет...

Он выжидательно уставился на гостя, явно желая услышать дополнительные факты из истории вещицы, но Клим был слишком огорошен числами, названными стариком. «Ну и ну! – думал он. – За какую-то старую жестяную трубку можно получить такие огромные деньги! Чтобы потом отдать их на турпоездку Кристины». Последнее соображение вернуло его с небес в катакомбы хутуна Фламарион, на 4-ю улицу. Оно почти сдвинуло некий крючок в его мозгах.

– Я могу провести экспертизу и попытаться выяснить, от какого аппарата отвалилась эта деталь, – видя сомнения, терзавшие геолога, продолжал старик. – Если вы не знаете, где она найдена, это займет значительное время. В противном случае я уже завтра мог бы назвать вам сумму, в которую этот объектив может быть оценен рынком антиквариата.

– Интересное предложение, – пробормотал Клим.

Тут вдруг сработал экран на одной из стен – на нем показалась фигура молодого человека, несмело заглянувшего в магазин. Глаза его засияли при виде раритетов, развешанных на панелях, хотя даже Клим мог бы сказать, что на его счету негусто. Очевидно, таких посетителей в заведении старика большинство.

– Хорошо, оставляю у вас этот артефакт, – решил Клим. – Я нашел его сам, на Фобосе.

– Вот как! – Сообщение геолога потрясло Ляо, но он быстро погасил возбуждение и поднялся. – Пройдите здесь. – Он указал на одну из стальных панелей рядом с аквариумом, и та отодвинулась в сторону, явив поцарапанную стальную дверь. Глазок сигнализации мигнул и погас, замок лязгнул. – Помнится, вы хотели поработать с моим справочником?

– Позвольте?

– Разумеется! Пожалуйста, откройте порт своего палма. – Он по узкому каналу сбросил на палм Клима собственное сочинение, заодно получив адрес для связи. – Если вы не ошибаетесь, этот предмет может стоить очень больших денег... Я оставил вам свою лицензию и обязательство по экспертизе. Это формальности, необходимые в моей работе. Я сразу свяжусь с вами, как только узнаю что-либо точно.

Ян-шен проводил гостя до двери, причем ему явно хотелось сказать что-то еще. Но затем он, как видно, передумал и просто вежливо остановился на пороге.

А Клим выбрался в боковое ответвление 4-й улицы, захлащенное крупными деталями сломанных каров. Тут даже валялся остов робота ЕЦСС, совершенно ободраный. Очевидно, и в хутуне Фламарион имелись свои грибные отморозки. Клим какое-то время мучился сомнениями, верно ли он поступил, доверив антиквару поиск информации о древнем объективе, но затем смирился со своим импульсивным решением. Все-таки он еще никто на рынке антиквариата, а старик в этом бизнесе не один килограмм бактерий съел... Иметь такого союзника на незнакомом пути, в самом его начале совсем нелишне. К тому же старый объектив, судя по его неказистому виду, далеко не самая ценная вещь из найденных Климом.

Заметную часть дня он провел, изучая «Справочник» Ляо, для чего снял кабинку в публичной библиотеке Фламариона.

Под вечер он решал дилемму – навестить отца или завалиться в «Под грибком», чтобы поглядеть хотя бы в записи пропущенные им игры «Бактерий Гюйгенса» с «Кротами Лоуэлла» и «Глицерами Скиапарелли».

– Живой, – обрадовались старые товарищи, которых по этому поводу пришлось угостить дозами чистого спирта. Все радостно приложили игольчатых ежей – кто к запястью, а кто и к шее, и впитали добрую жидкость в кровеносную систему. – Опять наших парней не видал?

– Как сыграли?

– Даже счет не знаешь? Ну, патриот ты грибковый.

Они вразной принялись делиться впечатлениями об играх. Кому-то из защитников пришлось оставить протезы в трубах, пара нападающих подхватила гнилостных бактерий и потом неделю лечилась от них, а тренер так переволновался, что поставил второе сердце и вживил в гортань мегафон, чтобы перекрикивать соперника. Да, новостей было множество. «Бактерии» уверенно держались между 20-м и 24-м местом, и такая стабильность глубоко радовала всех гюйгенсан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.